

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

КУКЛА ЗАТВОРНИКА

Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Кукла затворника

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Кукла затворника / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2019 — (Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-107962-8

Василий Барановский с детства мечтал ловить преступников. Но жизнь – не кино, в ней приходится поступаться принципами. Уйду, решил он. И уеду жить на море. Только закрою последнее дело... А дело оказалось «мутным». Убили безобидного на первый взгляд человека – затворника, коллекционирующего кукол. Кому он мог помешать? Оказывается, у жертвы пропала самая дорогая кукла, знаменитая Каттива Бамбола – Плохая Кукла. О ней в кругах коллекционеров ходили легенды. Все страшные – она приносила несчастья своим владельцам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107962-8

© Володарская О. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Володарская

Кукла затворника

© Володарская О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любое
совпадение случайно...*

Пролог

Ирина Андреевна Краснова была уже немолода, но свои года признавать не желала. Семьдесят – всего лишь цифра, говорила она тем, кто ей напоминал о возрасте. Себя она ощущала даже не на сорок пять, а на семнадцать. Требовала, чтоб ее называли Ирусином, и носила короткие юбки с яркими колготками. Еще любила огромные заколки, солнцезащитные очки и значки. А слабость питала к татуировкам. Но набивать их не решалась. Переводила на тело детские наклейки.

Ирусинок воспринималась всеми как городская сумасшедшая. На нее показывали пальцем, над ней подсмеивались, а кто-то откровенно ржал в лицо и обзывал чокнутой старухой. Обычно так агрессивно на нее реагировали соседки-ровесницы. Сидя на лавке у подъезда, они клеймили проституток, наркоманов и Ирусика. Та считала, что бабки ей просто завидуют. Они старые кошелки, а она молодая, энергичная и креативная. Она ходит в ночные клубы, и там с ней постоянно знакомятся молодые парни. Они угощают Ирусика коктейлями и говорят комплименты. Среди этих ребят попадались те, кто был не прочь продолжить общение за стенами заведения. Пара даже на интим намекала. Но Ирусинок не была идиоткой (всего лишь женщиной с чудушкой) и понимала, что не следует переходить границы. Спать с мужчинами, что годятся во внуки, противоестественно. Она родилась при Хрущеве, а они могут и не знать, кто это. Да и тело Ирусика утратило свою прелесть. Ножки в ярких колготках – прекрасны. Стройны, длинные. Но голые... На них вены взбухшие и противные веснушки, появившиеся с возрастом. Про грудь лучше и не вспоминать. Она просто стекла вниз, повинувшись закону гравитации. И как, зная свои недостатки, раздеться перед молодым?

Но ровесники Ирусика тоже не привлекали. Хотелось взрослого, но не пня замшелого. Если пенсионера, то военного. Лет пятидесяти пяти. И она пыталась найти такого. Ездилa отдыхать исключительно в пансионаты и санатории от Минобороны, пока не поняла, что приличные мужики при женах, а пьющие, травмированные, морально или физически, Ирусика не привлекали. Хотела партнера по себе: энергичного, веселого, заводного, крепкого телом и духом, но с жизненным опытом и... загорелой лысиной. Глубокие морщины у глаз ее тоже привлекали. Ей думалось, что такие мужчины добродушны и смешливы. Лысые же просто чертовски привлекательны. Другим буйные седые шевелюры подавай, Ирусе же – смуглую плешь. Ее идеалом когда-то был Адриано Челентано. Но с возрастом он поистрепался. В отличие от Владимира Познера. Этот только похорошел, и, несмотря на то что он был значительно старше Ирусика, она не отказалась бы от такого мужчины...

Но Познер недосыгаем. Зато есть Павел Иванов – сосед. Он чем-то похож на известного ведущего. Лысина, прищур, суровый рот, все как у Познера. Стати не хватает, увы, зато Иванов выигрывает в другом – ему всего шестьдесят.

В дом, где Ирусинок прожила треть жизни, он въехал всего год назад. До него в квартире обитала старушенция, имевшая нескольких котов. Они не были кастрированы и метили все углы. Каждый из них дожил до глубокой старости. Так что запах впитывался в ковры, занавески, обувь годами. Через дверь пахло не сильно, всего лишь пованивало, но когда она распахивалась, вся лестничная клетка наполнялась смрадом.

Когда старая кошатница умерла, а двух ее оставшихся питомцев увезли в приют, квартира пустовала полгода. По истечении этого срока в нее въехал Павел, как все решили, наследник покойной. Скорее всего, племянник. Сосед оказался очень нелюдимым. На приветствия он вежливо отвечал, как и на нейтральные вопросы, но когда Ируся заявила в гости с кексами собственного приготовления, не пустил ее на порог и от угощения отказался. Сказал, что занят, а мучное не ест. Яблоки из собственного сада (не было у нее его, купила у метро) Павел также отверг. А когда Ирусинок попросила глянуть на свой сгоревший утюг, сообщил,

что не разбирается в технике. При этом он был учтив, улыбчив, даже очарователен. На него было трудно обижаться, а тем более злиться. Новый хозяин квартиры вывез все пропитанные кошачьей мочой вещи на помойку, сделал косметический ремонт со сменой линолеума, обоев, покраской межкомнатных дверей и окон, и на лестничной площадке стало приятно дышать.

Он вообще оказался идеальным соседом: никого не заливал, не слушал музыку по ночам, не сверлил с самого утра, не приводил шумных компаний. Но посетители у Павла бывали. Заинтересовавшаяся им Ирина Андреевна Краснова поглядывала в дверной глазок и баночку подставляла к стене, разделяющую их с господином Ивановым квартиры. Выяснилось, что к нему заходят люди разных полов, Павел имеет с ними беседы (о чем конкретно, Ирусик не разобрала, как ни старалась), но у себя надолго никого не оставляет. Значит, не имеет никаких отношений, ни серьезных, ни мимоулетно-сексуальных. Что странно. Не старый еще, привлекательный, с виду здоровый...

Или только с виду?

Ирусик частенько думала о Павле. Мысленно примеряла его... не на себя, он мужчина, а не мини-юбка... к себе. И делала вывод, что полный импотент устроил бы ее больше, чем извращенец. Да, секса ей все еще хотелось, но жила она без него почти десять лет, и ничего, а сможет ли с ним, но противоестественным? К нему Ирусик относилась и совместный просмотр порно, переодевания, применение игрушек из спецмагазинов. Она была продвинутой и современной во многом, но только не в вопросах секса. Она родилась, выросла и сформировалась как личность в стране, где его не было!

Этим утром, выходя из дома, Ирусик, как водится, приостановилась у двери Павла. Это уже стало для нее привычкой. При кошатнице она пулей пролетала мимо, чтобы сразу кинуться по лестнице вниз. Но когда воздух не испорчен, почему бы не помедлить. Спокойно убрать ключи в сумочку, повесить ее на плечо, поправить одежду... А заодно прислушаться, не доносятся ли из-за двери какие-то звуки. Иногда они долетали. Но крайне редко. Вот и сегодня Ирусик услышала тишину. Она уже хотела шагнуть на лестницу (жила на втором этаже и ходила пешком), как обратила внимание на то, что дверь только прикрыта, а не заперта. Она отходила от косяка всего чуть-чуть, но как этого не заметить, если сосед никогда не оставлял ее в таком виде? Даже когда выходил к мусоропроводу, замыкал на ключ.

Ирусик взялась за ручку, нажала на нее. Выждала несколько секунд на случай, если хозяин в прихожей и просто обувается. Но никто не выбежал на площадку с возмущенными криками. А Павел мог бы! Как-то у его двери, к слову – дорогой, немецкой, отирались подростки из подъезда, так он их матюгами погнал. И это человек, от которого до этого никто грубого слова не слышал.

– Эй, хозяин, – прокричала Ируся. – Ты дома?

Но ей не ответили.

– Я вхожу, – предупредила Краснова, после чего толкнула дверь.

В прихожей горел свет. Благодаря этому Ирусик смогла осмотреть обстановку: шкаф-купе, тумбу со стоящей на ней вазой, напольное зеркало, пуфик у обувницы, циновку на полу. Бедненько, но чистенько.

Она думала, разуваться или нет, пока не увидела на полу пятно. Не в прихожей, а уже в коридоре, начало которого просматривалось от двери. Темное и большое. Оно застыло, приобретая форму сапога. На карте мира примерно так выглядит Италия.

Ирусик пересекла прихожую и замерла перед пятном. Ей уже было страшно. Потому что оно ей показалось кровавым...

Медленно и осторожно Ирина Андреевна повернула голову направо. Италия плавно перетекала во Францию. За ней шли Германия и Польша. А вот Белоруссия слилась с остальными странами... Огромная лужа крови, растекшаяся под телом мертвого человека, если и напоминала своими очертаниями карту Европы, то Ирусик этого не заметила. Она видела

только израненный труп Павла. Его тело пронзили чем-то острым не раз и не два... Десять? Да, пожалуй. А чем именно, стало ясно секундой позже. Ирусик увидела нож. Обычный кухонный. Он валялся рядом с трупом. А еще кукла. Нежная, красивая... Залитая кровью. Будто погибавшая вместе с Ивановым.

Часть первая

Глава 1

Вася Барановский любил свою работу настолько, что готов был ее бросить, потому что не считал себя достойным ее. Он мечтал стать милиционером с детства. Его кумиром был Глеб Жеглов, и «Место встречи изменить нельзя» Вася пересматривал десятки раз. Как и «Знаток», и «Ларец Марии Медичи». Не удивительно, что после десятого класса Барановский стал поступать в высшую школу милиции, но... Срезался на первом же экзамене по русскому, сделав больше десяти чудовищных ошибок в диктанте (описки и исправления уже никто не считал). Вася страдал от дислексии. И если читал еще более или менее, то писал безграмотно. Занятия с репетитором помогали, но не спасали от провала на диктанте. Пришлось пойти в армию, а затем поступить на коммерческое отделение юрфака. Отучившись там, Барановский стал-таки оперативным работником МВД.

С тех пор прошло шесть лет. Вася разменял четвертый десяток и дослужился до майора. То есть все только начиналось, и Барановский мог уже не карабкаться по карьерной лестнице, а взлетать по ней, но...

Он не думал о чинах и званиях. О повышенной зарплате и пенсии по выслуге. Ментом он стал, чтобы ловить преступников и наказывать их. Как Глеб Жеглов. Тот говорил, что вор должен сидеть в тюрьме, но как упрятать туда, к примеру, депутата? Или его же покарать за избиение? Напился, пустил в ход кулаки, утром протрезвел, всем дал денег, чтоб «инцидент» замаяли, и кому какое дело до справедливости?

Вася взяток не брал. Никогда и ни за что. Но не мог не реагировать на давление сверху. Бывало, что ему приказывали закрыть глаза на что-то. Приходилось подчиняться. И за это Барановский себя не уважал. Мог бы стоять до конца. Но не видел он себя Дон Кихотом, сражающимся с ветряными мельницами. Поэтому и подумывал о том, чтобы уйти из органов...

– Товарищ майор, – услышал Барановский визгливый голос стажера Светозара. Он являлся внуком генерал-полковника МВД по местному округу. Слово «геморрой» ассоциировалось у Васи именно с этим пареньком. – Вы ЭТО видели? – И указал глазами на окровавленный нож, валяющийся возле трупа.

Естественно, товарищ майор видел его. Как и раны на теле покойного. И сделал вывод, что нанесены они совсем другим колюще-режущим предметом.

На вызов они приехали пятнадцать минут назад. В полицию позвонила соседка жертвы, Ирина Андреевна Краснова, дама весьма специфического имиджа. Когда Василий увидел ее впервые, напрягся. Решил, что перед ним не совсем адекватный человек. Но Ирустик (она просила называть себя именно так) оказалась более чем нормальной. Она не просто вела себя спокойно, еще и на все вопросы отвечала четко, по существу.

– Вы хорошо знали соседа? – первое, что спросил у нее Вася.

– Можно сказать, совсем не знала. Он не так давно въехал и держал дистанцию.

– А ключи от своей квартиры он вам оставил, чтоб вы цветы поливали? – Вася видел, что в доме нет растений, но человек, обнаруживший труп, подозревается первым, и его надо прошупать.

– Паша никого из соседей за порог не пускал. Я же сказала вам, что он...

– Держал дистанцию? Помню. Но дружить и оказывать мелкие услуги – две разные вещи.

– Не было у меня его ключей. А у него, как теперь оказывается, цветов. Даже алоэ паршивого. Только куклы...

Да уж. Именно они населяли квартиру.

Куклы стояли в стенке, сидели на кресле, лежали на кровати, а одна... плавала в луже крови, вытекшей из тела Павла Иванова.

– Я увидела незапертую дверь и вошла, – продолжила Ирусик. – Подумала, вдруг случилось что...

– Например?

– Плохо стало человеку. Приступ случился, когда он домой возвращался с прогулки. Войти успел, а запереться по привычке – нет. Или наоборот: захотел покинуть квартиру, а тут бац – давление скакнуло...

– Об ограблении мыслей не было? Обычно, если соседи видят незапертую дверь, думают, что ее вскрыли.

– Да что у Паши брат?

– Вы же не знали, что у него есть.

– Да, но у нас тут олигархи не живут. А телевизоры да микроволновки кому сейчас нужны?

– И все же потерпевший поставил дорожную немецкую дверь с двумя замками и цепочкой, – пробормотал Василий. Он говорил не со свидетельницей, а с самим собой. Но она услышала его.

– Мне это сразу показалось странным. Думала первое время, что Паша хочет отгородиться ото всех, и запоры ему психологически помогают. Но когда я поняла, что у него бывают гости, усомнилась в своих выводах...

– Значит, бывали гости?

– Редко, но да.

– Что за люди?

– Обычные. Мужчины, женщины. Заходили на некоторое время к Паше. Максимум на полчаса. Проводив их, он сразу запирался.

Все то время, что они беседовали, Ирина Андреевна водила носом. Вася не выдержал, спросил:

– К чему приноживаетесь?

– Кошачьей мочой все равно пахнет, – сказала она. – Но не пойму, откуда.

И не успел Барановский оглянуться, как Ирусик, хрустнув коленями, брякнулась на четвереньки и заглянула под кровать.

– Нашла, – выкрикнула она и вытащила из-под нее обувную коробку.

– Ирина Андреевна, – гаркнул на женщину Барановский. – Вы на месте преступления находитесь, не смейте тут ничего трогать!

– Поздно, я уже, – с виноватым видом пробормотала она. – Извините.

Василий помог женщине подняться на ноги, а сам присел на корточки. Коробка была новой, и пахло не от нее – из нее. Воняло, если точнее. Откинув крышку, Барановский заткнул нос. Источником «аромата» была кукла. Замусоленная, в грязном платье, со сбитыми волосами. И все же она была прекрасна. Чудесное личико, очень реалистичное, с восторженными карими глазами. Пухлые, чуть напряженные ладошки... Так и хочется чмокнуть в ямочки на них. Как будто ребенок увидел свое любимое лакомство, приготовился взять его, но по воле какой-то злой волшебницы обратился в куклу.

– О, я узнаю ее, – восторженно воскликнула Ирусик. – Один из котов бывшей хозяйки этой квартиры вечно с ней таскался. Даже спал. Нашел где-то на помойке, когда еще дворовым был. Соседка его приютила вместе с этой игрушкой – ни в какую не хотел из зубов выпускать.

– Это заметно, – вздохнул Вася, заметив царапины на личике и теле куклы. Она была изготовлена не из резины или пластика. Скорее, из папье-маше. Как венецианские маски.

– Я все понимаю, Павел любил кукол, но эту я бы на его месте выкинула. Воняет же.

– Думаю, он собирался ее реставрировать, но руки не доходили.

– Скорее, денег не хватало, – услышал он голос стажера и, как обычно, внутренне перевернулся. Ну до чего же противный тембр! – Чтобы реставрировать старинную куклу, нужно потратиться.

– А ты откуда знаешь?

– Моя тетка коллекционирует антикварных пупсов. По всем блошиным рынкам ищет их. В какой город или страну ни приедет, сразу туда. Когда находит, берет в любом состоянии. Если в ужасном, несет к специалисту. И тот еще думает, браться за реставрацию или нет. Интересно ему или не очень. Если заказ принимает, то дерет... – Святозар покачал головой, но его зафиксированная гелем высокая прическа осталась статичной. – А у нее всего лишь пупсы. У них ни волос, ни одежды, лежат себе в конвертиках. Тут же работы в полтора раза больше.

– Выкинуть тряпье и новое пошить, – фыркнула Ирустик.

– Если это «родное» платье, нельзя ни в коем случае. Его стирать-то с осторожностью надо. И лучше, чтоб это делал профессионал.

– Ты в теме, это хорошо, – порадовался Барановский, но, как оказалось, зря.

– Это все, что я знаю.

– Позвони тетке, попроси приехать.

– Она сейчас в Стамбуле, рыщет по базарам. Вернется на следующей неделе. Но я могу спросить у нее номер реставратора.

– Действуй.

Стажер кивнул и унесся. А Ирустика Василий передал второму своему подчиненному, Славику. Сам же остался в спальне и стал рассматривать кукол. Все они были редкими. Не Маши или Даши советского периода и не Барби и Синди. Штучные. По большей части принцессы: с высокими прическами, в пышных платьях. Но имелась одна красноармейка. Худенькая, смуглая, похожая на казашку, с двумя косицами, в пилотке со звездой и косоворотке. Ее, скорее всего, произвели в тридцатых годах прошлого века. Она навскидку была самой молодой. Остальные гораздо старше. Но все в идеальном состоянии.

Барановский достал свой телефон, вышел в интернет и забил в поисковике: «коллекционирование кукол». Оказалось, это занятие имеет особое название – планконология. Увлекаются им тысячи людей по всему свету. Есть те, что собирают антикварных кукол (от ста лет) и винтажных (от пятидесяти), другие коллекционируют фигурки супергероев, выпущенных ограниченной серией, третьи ищут исключительно фарфоровых кукол, четвертые не их самих, а посуду, мебель. И Святозар не наврал: «родная» одежда ценится гораздо выше, чем пошитая новым владельцем, пусть из натуральной парчи. Как волосы и даже реснички.

Но это не так взволновало Барановского, как следующая информация: есть в мире кукла, стоящая шесть миллионов долларов. Это Птицелов (фото прилагалось), выполненный в единственном экземпляре. Паренек наряжен в костюм эпохи Возрождения, в руке у него флейта, а на плече пернатые, крылышки которых приходят в движение, когда запускается механизм. Вроде бы они еще и поют, Вася не углублялся, ему было интересно, сколько стоят менее ценные куклы. Оказалось, тоже нехило: десятки и сотни тысяч. И это в валюте.

– Товарищ майор, – донесся до Васи «любимый» голос стажера. Благо орал он из кухни, и кровь из ушей у товарища майора не пошла. – Я добыл телефон!

– Отлично. Скидывай.

– Уже. Зовут спеца Иосифом Абрамовичем. Звонить лучше прямо сейчас.

– Это еще почему?

– Тетка только что с ним связывалась, и он готов к диалогу. Потом, кто знает. Абрамычу лет сто, он, когда работает, не отвечает, как и когда ест. А в остальное время спит. Так что дозвониться крайне проблематично.

– Понял.

И вышел с телефоном в подъезд, чтобы спокойно поговорить.

Глава 2

Любви все возрасты покорны.

Эта фраза у всех на слуху. Кто-то соглашается с этим высказыванием, кто-то нет... А Люде Панич была ближе цитата из фильма «Любовь и голуби» – «Кака така любовь?». В сознательном возрасте она не испытала чувства, хотя бы отдаленно похожего на ТО САМОЕ (что было в молодости – не в счет).

Все ее подружки были замужем, одна уже второй раз, а Люся даже ни с кем пожить не попробовала. Отселившись от родителей в восемнадцать, она за семь лет превратила доставшуюся ей в наследство от прабабушки халупу в райское гнездышко. Делала перепланировку, ремонт, декорировала по своему вкусу. Вбухивала все заработанные деньги в это. Не покупала модных вещей, не ездила на море. И вот Люде двадцать пять, она живет в квартире своей мечты и не хочет никого в нее приводить. В гости – ладно. Но даже для ночевки не хочется. Одно дело, когда мужчина с тобой пьет чай на светлой, отделанной в прованском стиле кухне, другое – когда он поутру бродит по ней в одних трусах, нарушая одним только своим видом гармонию. А если еще начнет мусорить или вытирать руки о декоративные салфетки? Нет, этого ей не пережить!

Люда не была обделена мужским вниманием. У нее всегда кто-то имелся. Работая на крупной заправке сначала оператором, затем кассиром, а по окончании колледжа бухгалтером, девушка с легкостью знакомилась с представителями сильной половины человечества. Это вам не в библиотеке книжки выдавать, всегда есть, из кого выбрать. С молодой и симпатичной девушкой всегда кто-то флиртовал, и она решала, на чьи заигрывания ответить. «Роешься, как свинья в апельсинах!» – говорили о Люде подружки. Те самые, замужние. С видимым осуждением, но скрытой завистью. У них не жизнь, а смертная скука. У Людмилы же Панич то один кавалер, то другой, то полунищий поэт на «копейке», то директор на «Мерседесе», то на байдарках сплав, то уикенд на Кипре. Ни одни ее отношения не длились дольше четырех месяцев. Те, которые могли привести к чему-то серьезному, обрывались из-за нежелания Люды съезжаться. Она сделала бы исключение для любимого, но...

Кака така любовь?

К тридцати годам Люда Панич созрела для того, чтобы сказать себе самой и родителям: «Я не хочу семью. Ни мужа, ни детей. Буду жить для себя, выпархивая из своего райского гнездышка в прованском стиле лишь на курорты...» Мама поплакала. Папа хмыкнул, он не верил дочери. Не везет девчонке с мужиками, что поделать? Но какие ее годы? Найдется еще... Нет, не принц. В тридцать их уже не ждут, а просто хороший парень, до которого Люда снизойдет. Материнский инстинкт никто не отменял, а вне брака рожать дочка не будет точно.

А она тем временем завела себе мушкетеров. Именно так Люда называла своих любовников, мушкетерами. И было их, как и положено, три. Один для суперсекса, второй для хозяйских нужд и того же интима, пусть и не такого фееричного, как с первым, а третий для выходов в свет. Последний, хоть и был всего на десять лет старше Люды, к сексуальным утехам интереса не питал и постельным баталиям предпочитал походы на художественные выставки и дегустации сыров или вин. С ним Люда могла бы жить. Именно с ним, полуимпотентом. Он был аккуратен, имел отличный вкус, на жизнь смотрел ее глазами, пил, ел со вкусом, всегда находил темы для разговора и не храпел. Обитая с ним под одной крышей, Люда бы пару раз в месяц добирала то, чего ей не хватало, иначе говоря, секса, с тем же первым мушкетером, а хоть бы и со вторым, и не мучилась бы угрызениями совести... Откуда им взяться, если нет любви? Но увы, ее потенциальный сожитель был глубоко женат. Два других нет. Но суперсексуальный был слишком ветреным, и Люда бы умерла от ревности, имея с ним серьезные отношения, а хозяйственный – простоватым. Зато вместе ее три мушкетера тянули на д'Артаньяна.

Люда очень ими дорожила и с ужасом представляла тот день, когда один из них «соскочит». Придется же замену искать, а это не так просто.

В полной гармонии Люда прожила полтора года. Но всему рано или поздно приходит конец. Она готовилась встретить свой тридцать второй день рождения в Будапеште. Компанию ей собирался составить третий мушкетер. Второй должен был свозить в ИКЕЮ и повесить выбранную Людой люстру. Первый «отлюбить» по-новому, с применением какой-то секс-игрушки. Но поездка в Венгрию сорвалась из-за серьезных рабочих проблем мушкетера, половой гигант мотанул в Польшу на соревнования по кроссфиту, которым всерьез увлекался, с намерением остаться там, а хозяйственный надумал жениться, о чем, как честный человек, сообщил. В итоге осталась Люда, как та старуха из сказки Пушкина, у разбитого корыта. Встретила день рождения в одиночестве. Могла бы, конечно, к родителям пойти или подружек собрать, но настроения не было. Люда даже стол не накрыла. Поставила перед собой виски и тарелку с ветчиной и сыром, напилась, поплакала и легла спать.

Поутру пробудилась в ужасном состоянии. Ее подташнивало, голова раскалывалась, а во рту стоял привкус... стоялой канализационной воды, что ли? Люда никогда ее не пробовала, но предполагала, что на вкус она именно такая. От этой мысли затошнило сильнее. Но два пальца в рот – это случай крайний. Лучше выпить алкозельцер, принять душ и почистить зубы. Авось пройдет похмелье. Но сначала нужно выкинуть мусор: ветчину и сыр она не удосужилась убрать в холодильник, продукты прокисли и стали пованивать. Бросив их в пакет вместе с недопитой бутылкой виски, Люда вышла из квартиры.

Спустившись на пролет, подошла к мусоропроводу и только собралась засунуть в него пакет, как увидела мужчину. Он стоял на лестничной клетке и разговаривал по телефону. Среднего роста, ладный, с большими руками – массивный смартфон укладывался в них идеально. Каштановые волосы выгорели прядями до золотистого и отросли, завившись над ушами колечками. Глаза желто-зеленые. На бледном лице не смотрелись бы, но на смуглом очень даже...

Встретившись с Людой взглядом, мужчина кивнул. Она ответила тем же. И только собралась присовокупить к жесту игривую улыбку, как вспомнила о своем внешнем виде! Люда всегда похихикивала над теми женщинами, что без макияжа и прически не выходят из дома. Даже в магазин за хлебом при параде отправляются. Она сама считала, главное, надеть чистые трусы на случай, если машина собьет и ее на «Скорой» увезут в больницу. Но сейчас на Люде даже их не было! Вчерашние... Поверх майка с пятнами от виски... И халат. На ногах тапки. Волосы не то что не уложены – не расчесаны. Макияж отсутствует. Одно хорошо – лицо умыто и зубы почищены. Зато в руке смердящий пакет...

Люда поспешно сунула его в мусоропровод, пригладила волосы, запахнула халат, в вырезе которого виднелось коричневое пятно на футболке. А мужчина, навскидку примерно ее ровесник, закончил разговор и сунул телефон в карман брюк. Они были полуспортивные, с боковыми карманами. Люда терпеть не могла подобные. Еще ей не нравилось, когда мужчины заправляли в штаны футболки-поло. Но этого желтоглазого ничего не портило. Он нравился ей от и до.

– Здравствуйте, – услышала Люда его голос. Он тоже не разочаровал: в меру низкий, с сексуальной хрипотцой. – Живете тут, как понимаю?

– А вы?

Мужчина качнул головой и представился, сверкнув «ксивой»:

– Старший оперуполномоченный Барановский.

– В нашем подъезде кто-то умер?

– Был убит, – уточнил желтоглазый.

Люда ахнула:

– Кто?

– Павел Евгеньевич Иванов.

– Я не знаю такого...

– Из сорок девятой квартиры.

– А, племянник кошатницы, – поняла Люда. О нем она слышала от Ирусика. – Я видела его всего пару раз, но мне он показался приличным человеком. Разве таких убивают в собственных квартирах?

– А вы думаете, каких... – Барановский метнул взор вниз, услышав нарастающий шум голосов на площадке второго этажа, – убивают?

– Маргиналов.

– Бандюгов и алкашей? Да, их чаще, чем приличных людей, согласен. Но в группе риска также коллекционеры. Особенно одинокие и уже немолодые.

– Племянник кошатницы относился к их числу? И что же он собирал? Монеты, медали, марки? – Опер отрицательно мотнул головой. – Холодное или огнестрельное оружие?

– Кукол.

– Серьезно?

– Более чем.

И зашпешил вниз по лестнице, услышав визгливый крик: «Товарищ майор!» Люда, секунду поколебавшись, последовала за ним. Была мысль забежать в квартиру, чтобы сменить халат хотя бы на спортивный костюм, но она ее отменила. Барановский уже все видел, и ничего не исправишь.

Пока Люда семенила за ним, стараясь не потерять соскальзывающие с ног тапочки, одно-разовые, выдающиеся в отелях, саунах и поездах повышенной комфортности, она пыталась анализировать свое состояние. Не похмелье, естественно. От него никуда не деться. Ее будоражило не от похмелья. И не от того, что соседа снизу убили. А уж мушкетеры, скопом не бросившие, но отдалившиеся и испортившие тем самым день рождения, даже не вспомнились. Люда вся... так любила выражаться ее мама... бурлила и пузырилась из-за Барановского. Старшего оперуполномоченного с желто-зелеными глазами и кучеряшками на висках.

Так Людмилу Панич еще никто не волновал.

– Товарищ майор, – не унимался визгливый парень в коротеньких джинсах и кедах с вывернутыми языками. Стажер, по всей видимости. Неоперившийся цыпленок, едва устроившийся в органы.

– Тут я, тут, не верещи, – осек его Барановский. – Что ты хотел сообщить мне, Святозар?

Родители парня были оригиналами. Это сейчас все Добрыни да Елисеи, а в конце девяностых детей обычно Марками называли да Арнольдами. Если так пойдет, Сашек и Сережек вскоре не останется. Как и Людмил. У Панич ни одной тетки в ближнем окружении не было.

По какому поводу верещал Святозар, стало ясно тут же. Из квартиры под номером сорок девять стали выносить носилки, на которых лежало тело, упакованное в черный мешок. Покойник!

Людин организм тут же среагировал. Ком подступил к горлу, и она, зажимая рот ладонью, ринулась вверх по лестнице. Первый раз ее вырвало в мусоропровод, второй в унитаз, третий туда же. Опорожнив желудок, Люда забралась под душ. Она стояла под холодной водой до тех пор, пока не покрылась мурашками. Окаменев, выбралась, растерлась полотенцем и встала перед зеркалом.

«Тридцать два, – проговорила про себя Люда. – Уже? Или еще? Пожалуй, первое. Мешки под глазами после вчерашних возлияний. Носогубные складки уже заметны...»

Она повернулась к зеркалу попой. От сидячей работы она стала дрябловатой. Но все еще хороша. На фигуру Люде вообще жаловаться было грех. Другие на диетах сидят, в зал ходят, а ей от природы досталась стройная и пропорциональная. И все же над ней уже пора начинать работать. Хотя бы вечерами приседать, пока телевизор смотрит. Но как себя заставить?

Люда расчесалась, оделась, выглянула в окно. Оно выходила не во двор, а на улицу. Именно там парковались машины. Их дом был воткнут в пространство, не предусмотренное для многоквартирной высотки. Во дворе нашлось место только лавочкам да песочнице. Автомобили ставили в нем давно, когда они имелись у единиц. Теперь только велосипеды и скутеры. Даже «Скорая» не могла подъехать к подъезду. После того как одного мальчишку сбила машина с красным крестом (к счастью, он отделался только переломом ноги), арку перегородили знаком с «кирпичом».

Обозрев улицу, Люда заметила полицейскую машину. Еще темный фургон, который отъезжал. Труповозка, поняла девушка.

Желтоглазый опер все не выходил у нее из головы. Приступ тошноты заставил Люду убежать, но пока Василий тут, надо вернуться. Естественно, она не собиралась с ним заигрывать, не та обстановка, но телефон взять нужно. На случай, если она вспомнит информацию касавшего Павла Иванова или увидит каких-то подозрительных людей. Конечно, это больше предлог, но мало ли. Вообще-то Люда редко сама проявляла активность. С незнакомыми мужчинами – никогда. Надобности не было. Но тут случай особый, можно корону и в шкаф убрать.

Она схватила очки от солнца и выбежала из дома. Волосы влажные, но досохнут на ветру. Главное, чистые. Спортивные штаны и майка отлично сидят. Мешки скроются под дымчатыми стеклами, а губы у Люды и без помады хороши. Покинув квартиру, она спустилась вниз на лифте. Вышла из подъезда и села на лавочку...

Ждать...

Глава 3

Хрустальной мечтой Остапа Бендера являлся город Рио-де-Жанейро.

Кто-то готов был умереть сразу после того, как увидит Париж.

Наташа же грезилась о Венеции.

«Фу, – говорила мама. – Там же пахнет тухлой водой и канализацией». Как будто была там и знала это доподлинно. А она всего лишь что-то слышала. Сама же никогда не выезжала за пределы бывшего СССР.

«Фу. Толпы туристов и тучи птиц: голубей и чаек», – говорили те люди, что там бывали, но не прониклись атмосферой.

«Фу. Койка в хостеле стоит, как пятерки в Турции, а в туалет сходить меньше чем за полтора евро не удастся!» – говорили друзья, регулярно отдыхающие по системе «все включено». Таких туристов обычно называют «тюленями».

Наташа выслушивала мнения, но на их основании выводов не делала. Ей было все равно, что говорят другие. Она хочет в Венецию и посетит ее несмотря ни на что.

– Так что же ты медлишь? – спрашивала у нее подруга Ксюша. Они вместе работали вот уже шесть лет. И все отпуска за это время Наташа проводила не в Италии, а под Рязанью, на даче. – Я ради интереса посмотрела билеты. Можно купить за десять тысяч туда и обратно. Скромный номер в отеле стоит три-четыре. Плюс с собой. Ты легко можешь уложиться в полтинник!

Да, могла и в меньшую сумму. Наташа тоже прикидывала бюджетные варианты. Но разве так исполняют мечту? В стиле «эконом»? Нет, уж гулять так гулять. На бизнес-класс Наташа рот не разевала, долетит в общем салоне, три часа, это ерунда, но остановиться она хотела бы в хорошем отеле, чтобы в ее номере был балкон с видом на Большой канал. Она грезилась об изысканных ресторанчиках, о капучино на площади Святого Марка под живой оркестр, а в демократичных тратториях, пиццериях, джелатериях согласна была перекусывать, но никак не проводить вечера. Катание на гондолах в компании еще нескольких туристов ее тоже не вдохновляло. А еще шопинг! Как без него? Привезти настоящую маску и туфли. Полакомиться элитным шоколадом и прихватить с собой в подарок. А еще сходить на карнавал. Не просто прогуляться по городу в наряде, а посетить бал в одном из дворцов...

И выходило, что в пятьдесят и даже сто тысяч Наташа никак не укладывалась. Только бал стоил восемьсот евро!

Обо всем этом Наташа никому не рассказывала. Знала, не поймут. Решат, что она ищет причины не ехать. Однако чудо свершилось...

Наташа Щипанова полетела в Венецию!

Там было все: и четырехзвездочный отель у Большого канала, и номер с видом, и паста маринара в мишленовском ресторане, и гондолы, и бал. Был даже настоящий венецианец, с которым случился короткий, но яркий роман. Пожилой, но невероятно красивый. Именно он возил ее по каналам. А как пел после трех стопочек «лимончеллы»!

Сальваторе стал, если так можно о человеке, вишенкой на торте. Без него Наташа не прониклась бы Венецией. Возможно, даже разочаровалась бы в ней. И дело не в запахе, он отсутствовал, не в туалетах по полтора евро, есть заведения, где можно выпить кофе за эти деньги и посетить уборную, даже не в туристах... К вечеру город пустел, поскольку толпы транзитников вывозились на материк...

Дело в карнавале. Он разочаровал. Бал в особенности. У них на фирме корпоративы веселее проходили.

Перед отъездом Наташа забежала в затерянную в одном из переулков лавчонку за сувенирами. Нужны были не китайские, эти на каждом шагу продавались, а родные. Сальваторе

подсказал, куда направиться. Успев до сиесты, Ната нахватала чего-то, расплатилась «Визой» и унеслась. Баланс карты проверила уже в аэропорту. Как оказалось, с нее сняли очень приличную сумму. Стала разбираться. Выяснилось, что изящная куколка с золотой маской на личике стоит в пять раз дешевле, чем грубая фигурка трубочиста. Наташа решила, что ее обманули. Увидели, что забегает человек, у которого времени в обрез, и продали какое-то «гэ» по цене брендовой сумки. Трубочист реально стоил, как клатч от Москино, пусть и по распродажной цене.

Через полтора месяца Наташа случайно узнала, что стала обладательницей ценной вещи. Жена хозяина сувенирной лавки была из Санта Мария Маджоре, где проходили слеты трубочистов всей Европы, и она привезла в Венецию некоторые сувениры со своей родины. Среди них оказалась старинная фигурка, о реальной стоимости которой она сама не догадывалась. Как и купившая ее Наташа. Сумка Москино? Да в этом бутике можно было одеться с ног до головы, если бы сеньорита Щипанова продала куколку.

Но Наташа оставила ее. Остальное барахло, даже дивную барышню в золотой маске, раздарила. А ведь хотела именно ее оставить на память. Но не зря же она положила глаз на неказистого трубочиста, совершенно не ассоциировавшегося с Венецией. Больше с Германией, Данией, Шотландией. Наташе на ум сказки Андерсена шли, когда она смотрела на случайно обретенное, пусть и не даром, сокровище. И она стала мечтать о солдатиках оловянных, пас-тушках...

Естественно, шерстила интернет. Искала коллекционеров, связывалась с ними. Но какими-то они все ей казались подозрительными. Один лишь нормальный попался. Павлом звали. Но сразу предупредил, фигурки его хоть и интересуют, но не так, как куклы. И собирает он ретроэкземпляры. Даже винтаж не особо его манит. Посмотреть на редкую вещь никогда не откажется, показать что-то из своего тоже, но меняться не будет. А продавать тем более.

Наташа поняла и приняла. Общение пролонгировала. И через пару месяцев предложила перевести его в реал. Павел не сразу ответил. Думал чуть ли не неделю. И все же дал адрес. До этого Наташа с ним разговаривала по телефону. И они хорошо ладили. Она скажет «а», он тут же «б». На одной волне находились. И голос у Паши был очень приятный, энергичный. Он представлялся Наташе компьютерщиком, работающим на удаленке, в очках и с рюкзаком за плечами. Лет тридцати пяти. Но когда она приехала по адресу, ее встретил дед.

– Паша? – переспросила она. Может, это и не он? А папа того самого очкастого компьютерщика с рюкзаком за плечами?

– Наташа? – На лице деда отразилось разочарование. Свое она сдержала, а он не смог.

Наташа кивнула. Павел (именно он, а не отец) с кислой миной пропустил гостью в квартиру.

Да, она знала, что выглядит не как супермодель, но когда ее браковали ровесники, она хоть как-то себе это объясняла. Все хотят няшек, инстаграм-куколок, пусечек, которыми можно похвастаться. Она и сама не отказалась бы от Доуэна Джонсона по прозвищу Скала! Хвасталась бы таким высоким и красивым перед подружками. Но последним (крайним) ее мужчиной был Сальваторе. Пятидесятивосьмилетний гондольер, имеющий жену, детей и внуков. При этом красивый и энергичный. С модной прической. Паша же, его примерный ровесник, сверкал лысиной, был бледен, улыбался кисло и даже не скрывал своего разочарования. То есть он рассчитывал на то, что к нему заявится двадцатипятилетняя красотка с ногами от ушей?

Увы, у Наташи они росли...

Нет, не росли они совсем последние десять лет! Как в пятнадцать она достигла ста пятидесяти семи сантиметров, так того же роста и осталась. Ноги соответственно тоже. А вот вширь Наташа пошла. Не стремительно, но неотвратимо. В пятидесятый входила только в полный. Но зато если садилось на нее платье, то глаз было не оторвать. Особенно если оно с корсетом.

Сальваторе после бала ее подвозил, и если не влюбился, то увлекся. Наташа была чудо как хороша в нарядах прошлых веков. Не то что в современных. Особенно джинсы ей не шли. Мало того, что все подрезать приходится, так еще живот над ремнем нависает. А он не такой уж и толстый... Просто одежда стандартная, не рассчитанная на особенности фигуры.

...В тот день она пробыла у Павла минут пятнадцать. Походила, посмотрела на кукол. Выпила остывшего чаю – свежего никто не предложил. И уехала. Думала, больше не будет с Павлом общаться, ан нет. Он написал спустя пару недель. Сообщил, что в его семье пополнение, и пригласил на смотрины. Наташе нечем было заняться в выходной день, да и куклы ее очаровывали, и она поехала в гости. Павел хвалился своей «доченькой» минут двадцать пять. Взахлеб рассказывал о ней, показывал все детальки, начиная от ногтей, заканчивая панталончиками из батиста. Чаю, даже холодного, не предложил. Не спросил, как дела. Слова вставить не дал. И вскоре выпроводил.

Наташа обиделась и решила закончить общение с Ивановым.

Но, как выяснилось через три дня, она забыла у него зонтик. Небо утром хмурилось, она стала его искать, но не обнаружила на привычном месте. Порывшись в памяти, сообразила, где оставила. Зонтика было жаль. Его ей мама подарила. Японский, он служил верой и правдой несколько лет, да и стоил прилично. Опять же память. Наташа позвонила Павлу, чтобы договориться о коротком визите. Но его телефон оказался выключенным. Пришлось ехать. Благо недалеко.

Когда она добралась до нужного дома, оказалось, что домофон выключен. Наташа вошла в подъезд, поднялась на второй этаж и увидела соседку Павла. Она уже сталкивалась с ней однажды. Бабуля запомнилась Наташе, что не удивительно, ведь одевалась она как подросток с дурным вкусом.

Когда Наташа попала в поле ее зрения, женщина заголосила:

– Васенька, беги быстрее сюда, гости пришли.

Из квартиры Павла тут же показался мужчина. Васенька? Да ему тридцать лет. Наташа-то подумала, она внука своего дошкольника зовет.

– Эта женщина приходила к Паше последней. Я ее видела, – сообщила Василию бабушка в желтых, усыпанных алыми клубничками колготках.

– Здравствуйте, – поприветствовал ее мужчина. А затем и представился майором следственного комитета, после чего попросил назвать свое имя и предъявить документы.

– Паспорта при мне нет, – растерянно проговорила Наташа.

– А водительские права?

– Я не вожу автомобиль. Есть скрин в телефоне. Показать? – Он кивнул. Наталья продемонстрировала электронную копию паспорта. – А в чем, собственно, дело?

– Это место преступления. – Он указал на дверь, ведущую в квартиру Павла. – А вы, получается, свидетель по делу. Могу я спросить, как хорошо вы знаете господина Иванова и зачем к нему пожаловали?

Наташа ответила.

– Где вы оставили свой зонт? – первое, что спросил Василий.

– Я не уверена, но, думаю, повесила на крючок в прихожей.

– Как он выглядит?

– Автомат. Ручка из дерева. Расцветка – зеленая с золотом. Сделан в Японии, – детально ответила она.

Опер поманил ее в квартиру. Прыткая бабуля хотела последовать за ними, но Барановский закрыл перед ее носом дверь.

– Вот он, – тут же обнаружила зонт Наташа. Он не висел, а лежал на пуфе, стоящем в уголке возле обуви.

– Забирайте.

Наташа взяла зонт и сунула в сумку.

– Теперь я могу идти?

– Нет, мне с вами еще нужно побеседовать. Пройдемте в кухню, там никого.

– А Павел где?

– Увезли.

– Так это он совершил преступление?

Василий внимательно посмотрел на нее своими пронзительными зелеными глазами...

Или они желтые?

– А вы не поняли, что за преступление тут совершено?

– Нет. Я сначала подумала, что хозяина обокрали, но если его увезли...

– То?

– Не знаю даже, что подумать... Он был странноватым. Мало ли что мог натворить.

– Например?

– Удерживать в заложниках кого-то? – стала рассуждать Наташа. – Вряд ли. Он не мог терпеть на своей территории человека дольше получаса. Изнасилование? Точно нет. Мне он показался абсолютно равнодушным к плотскому. Нанесение телесных повреждений?

– Кому и за что?

– Куклы – вот его страсть. И если кто-то вдруг испортил бы одну из его девочек (еще он их доченьками иногда называл), я думаю, он мог бы выйти из себя и ударить.

– Увы, эта тоже ошибочная версия. Павла Иванова убили.

Наташа испуганно вскрикнула. В голове такое не укладывалось...

Барановский сокрушенно покивал головой. Да, да убили.

– Из-за его коллекции, да? – прошептала Наташа.

– Она на месте.

– Странно.

– Почему?

– Павел не пускал в дом тех, кто не разделял его интереса к куклам. Он даже не общался с такими людьми. Но убийца как-то проник в квартиру. Дверь вроде бы цела. Значит, сам открыл ее?

– Да. Замки не взломаны. – Он резко замолчал, насупись. Глаза потухли... Эти его удивительные глаза... Теперь они казались светло-карими. Наташа не сразу поняла, что Василий просто задумался и обратил взор внутрь себя. – Вы хорошо помните всех «деток» Павла?

– Более или менее. По именам нет, но внешне, пожалуй.

– А у них и имена есть?

– Тем, кто их не имел изначально, Павел давал свои. Последняя его «девочка» звалась Катти. Именно на ее смотрины он пригласил меня.

– Взглянете на коллекцию?

– Да, конечно. Только попою сначала. Можно воды? – И она указала на графин, стоящий на столике. Василий подал ей вместе со стаканом.

Пока Наташа наливала воду и пила ее, рассматривала опера. Что-то в нем ее цепляло. Вроде ничего особенного, бывают мужчины и интереснее, а глаз не оторвать. Маленькая толстенная Наташа с юных лет обожала красавчиков. Непременно высоких и белокурых (Скала – исключение). Нынешним ее идеалом являлся кумир четырнадцатилетних девочек Егор Крид. Она даже шоу «Холостяк» с его участием смотрела. Василий же Барановский совсем не походил на няшечку Крида. И все же он очень ее привлекал. Глаза необычные, волосы пусть и не светлые, но красивые, волнистые. Ноги не длинные, зато какие ровные, крепкие. В шортах бы на Василия посмотреть...

«Замуж тебе надо, девонька, – с укором сказала самой себе Наташа. – Человека убили, ты находишься на месте преступления, а мысленно мужика раздеваешь!»

Но что она могла с собой поделывать? Уже почти двадцать шесть, никаких отношений, кроме случайных, с тем же Сальваторе. А женского счастья хочется!

Наталя украдкой бросила взгляд на правую руку Василия. Кольца нет, но это ни о чем не говорит. Многие мужчины не носят обручалок. А есть те, что живут гражданским браком.

Но от этих мыслей Наташа отвлеклась, увидев кровавое пятно на линолеуме, а также обведенный чем-то (мелом, наверное?) силуэт. Значит, тут убили Павла?

– Наталя, сколько раз вы бывали в гостях у Иванова? – услышала она голос опера.

– Дважды. Я вроде говорила. – Неужели он не верит ей и пытается подловить на лжи?

– И оба раза он проводил вас сюда?

– Да.

– Но квартира двухкомнатная. А тут спальня. Почему сюда?

– Здесь же куклы.

– Я бы поместил их в гостиной. Чтобы не смотрели на меня своими реалистичными глазками.

– Просто вы не коллекционер. Я тоже. У меня всего одна фигурка. Но она стоит на прикроватной тумбочке. Я просыпаюсь и желаю доброго утра своему трубочисту.

– Больше никому?

Как воспринимать этот вопрос? К уголовному делу он отношения не имеет, не так ли? Значит, Василий пытается узнать, одна ли живет Наталя...

Он тоже заинтересовался ею?

Пока она придумывала, как лучше ответить, они зашли в комнату, и Барановский отвлекся на своего коллегу. Он что-то показывал ему на экране профессионального фотоаппарата. Наташа не стала им мешать. Подошла к стенке. В ней куклы стояли. Не все, но большинство. Только на нижней полке сидели три деточки. Их повреждения нельзя было устранить до конца, и они не держали равновесия. Все куклы были хороши. Каждая по-своему. Но Наташе нравилась, пожалуй, самая неказистая. Это красноармейка. Другие в пышных платьях, а эта в косоворотке и штанах из брезента. Волосы натуральные, но явно конские. А на щечке пятно.

– Классная она, да? – услышала она голос Василия.

– Зоя.

– Она же казашка. Скорее Лейла или Сабира.

– Павел так ее называл. Он очень любил и ценил ее, хотя она и недорого стоит. К тому же не антикварная, а винтажная, такие он не собирал. Но Зоя ему досталась от бабки. По-моему, ее саму так звали.

– С нее все и началось? – Наташа пожала плечами. Об этом ей Паша не рассказывал. – Все куклы на месте?

– Двух точно не хватает.

– Каких?

– Во-первых, горничной.

– Минутку! – Барановский выбежал из спальни, а когда вернулся, в его руках был пакет. В нем – та самая горничная. Но не в своем привычном виде.

– На ней кровь? – взвизгнула Наташа, поняв, что за бурые пятна покрывают саму фигурку, ее одежду и волосы. Опер кивнул. – Да, это она.

– Лежала рядом с трупом.

– Она дорогая. Павел иронизировал на тему того, что единственная прислуга в его доме стоит дороже королев.

– Ясно. А еще какой вы не увидели?

– Последней.

– Той, которую Иванов демонстрировал вам три дня назад? Катти, кажется?

– Именно.

– А где она стояла?

– Когда я пришла, она лежала в коробке. Фанерной, старинной. Обитой изнутри бархатом. Для коллекционеров все важно, в том числе коробка. Даже она увеличивает ценность.

Василий, слушая ее, что-то записывал в телефоне. Наташе показалось, он отправляет сообщение.

– О ней вы с Павлом разговаривали?

– О коробке?

– Нет, о ценности куклы.

Она покачала головой.

– Но, на ваш взгляд, она была дорогой?

– Думаю, да. Ей больше двухсот лет. И сохранилась она изумительно. Возможно, благодаря коробке. С куклой если и играли, то недолго. Два века хранили.

– Как она выглядела?

– Дивная молодая барышня с фарфоровым личиком. Золотые кудри. На них веноч. Белое платье. Под ним панталончики в оборках. Золотые туфельки, съемные. Якобы кукла была создана по образу и подобию реальной девушки, умершей от чахотки.

В этот момент в спальню заглянул паренек с прической как у модного диджея. Кто бы мог подумать, что это сотрудник МВД.

– Никаких фанерных коробок мы не находили, – сообщил он Василию.

– А еще каких-то кукол?

– Все тут.

– Пропала чахоточная, – пробормотал Барановский.

– Может, Павел ее на реставрацию отнес? – предположила Наташа.

– Сами же сказали, она была в идеальном состоянии.

– Я же не очень разбираюсь... Мало ли какой дефект был на ней. Ресничка, например, одна выпала. К тому же я заметила на ее ножке след от ожога. Коллекционеры – народ странный. И это мягко сказано.

– Но вы хотите к ним примкнуть.

– Уже сомневаюсь. Ограничусь пастушкой. Чтобы моему трубочисту было не скучно, – и улыбнулась, чтобы Василий понял, что она шутит.

– Наталья, вам на работу сегодня?

– Нет, я два через два работаю. А что?

Конечно, она понимала, что не на обед он ее пригласить собирается, и все же сердечко екнуло...

А вдруг?

– Хочу вас попросить с нашим художником пообщаться. Пусть нарисует пропавшую куклу. И коробку заодно.

– Это мой гражданский долг, так ведь?

– Вы чудо, – лучезарно улыбнулся ей Барановский. – Мы скоро тут закончим. И вы поедете с нами. Пока можете во дворе посидеть, воздухом подышать. Не тут же вам оставаться.

Она кивнула и покинула квартиру.

* * *

Прошло минут десять. Наташа маялась, сидя на одной лавке с красоткой. Рядом с такими она всегда себя чувствовала неловко. Девушка явно было не в форме, нацепила темные очки не в самую ясную погоду, волосы не просушила, оделась весьма небрежно. А еще от нее пахло перегаром, который не заглушала мята – красотка посасывала «Холс», собирая пухлые губки куриной гузкой.

«Хорошо вчера погуляла, сразу понятно, – подумала Наташа. – В клубе, скорее всего. Они же работают по вторникам?»

Сама она никогда не была в подобных заведениях. В кафе и ресторанчиках с живой музыкой – да. На больших дискотеках, проводящихся на стадионах, тоже. Даже на балу! Но в клубы заходить боялась. Что ей там делать, маленькой, пухлой? Сидеть у барной стойки? Но она даже на крутящийся табурет не заберется. Да и не в чем пойти. Все ее юбки ниже колен, а туфли на устойчивых каблуках. Можно, конечно, приобрести длинное леопардовое платье с разрезом и кожаный корсет. Что-то похожее на ее бальное платье, только современное. Обязательно с декольте – грудь у Наташи была аппетитной. Но на фоне худых, высоких девах в стрейч-платьях, которые ей натянутся только на ногу, она боялась... нет, не поблекнуть, наоборот... стать слишком заметной, как бельмо на глазу. Привлекать к себе внимание неформатной внешностью ей не хотелось. Это даже не белой вороной быть, а паршивой овцой... Некомфортно.

Естественно, таково было только Наташкино мнение. Ее коллега и пусть не близкая, но подруга, Ксюха, весила сто двадцать кило. У нее были кривые ноги, целлюлит на которых начинался от щиколоток, три подбородка и косые глаза. Но все эти недостатки не мешали ей вести более чем активный образ жизни. Ксюха и в походы ездила, и в клубы ходила, и аквапарки посещала, где ее не пускали на некоторые горки из-за больших объемов. Она без стеснения демонстрировала свои тела в бассейнах, не отказывая себе в бикини. Шила на заказ платья с блестками и перьями. Подперев три своих подбородка, стреляла косыми глазками в мужчин. И те отвечали на ее заигрывания. Серьезных отношений Ксюха в свои двадцать девять так и не построила, но мимолетные романы у нее случались часто. Вполне возможно, она втайне ненавидела себя, плакала ночами в подушку и фантазировала о том, что проснется в теле Меган Фокс или Оли Бузовой, от которой фанатела, но каждое утро она вставала бодрой, веселой и готовой к новым подвигам... Если перефразировать советского классика Симонова: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла... Такая уж поговорка у Ксюши была!»

...Подъездная дверь распахнулась, и Наташа подобралась. Думала, Василий идет, но нет. Перед ее глазами предстала уже знакомая бабуля в мини. Она направилась к лавочке и села между двумя девушками.

– Люсь, ты чего помятая такая? – спросила она у красотки.

– День рождения вчера отмечала.

– Чей?

– Свой.

– Ой, прости, не поздравила.

– Ничего страшного.

– И сколько тебе стукнуло?

– Сама говоришь, у женщин о возрасте не спрашивают, – проворчала Люся и кинула в рот очередную мятную конфетку. – Но ответу – тридцать два.

– А тебе? – И повернулась к Наталье.

– Двадцать шесть... почти.

– Эх, мне бы ваши годы, – крикнула престарелая чертовка.

– Ирусик, ты в свои нас перешеголяешь, – улыбнулась Люда. Наталью сначала покорило то, что она обращается к женщине в возрасте на «ты», но решила, что та сама на этом настояла. – Я вот уже по клубам не хожу, а ты всю тусишь!

– Да, только я уже не могу вот так, как ты, накидаться в день рождения. Если выпью больше двух коктейлей, буду лежать два дня с валидолом. Да и летать тяжело. В Таиланд хочу и на Кубу. А так далеко. Жаль, во времена моей молодости не было возможности путешествовать в экзотические страны. Клубов тоже не было. Уж я бы там зажгла...

Дверь снова открылась. Но и в этот раз из подъезда вышел не старший уполномоченный. Какая-то бабка. Всем кивнула, но по Ирусику полоснула взглядом недобрым. Ее явно возрастные соседки недолюбливали.

– А вы чего тут расселись? – обратилась к девушкам Ирусик.

– Я воздухом дышу, – ответила Люда.

– Тебе на работу разве не надо?

– В отпуске я.

– А ты? – Она обратила свой взор на Наташу.

– У меня выходной.

– Сидишь, спрашиваю, почему тут?

– Жду полицейских. Поедем в отделение фиксировать мои показания.

– Вы свидетель? – встрепелась Людмила. И, вскинув очки на лоб, посмотрела на Наташу. Не такая уж и красавица, подумалось той. Да, стройная, высокая, с красивыми губами, причем не подколотыми, а естественными, но глаза невыразительные, а переносица слишком тонкая.

Ответить Наташа не успела. На сей раз из-за распахнувшейся двери показался Василий, за ним следовали еще два опера. Один молодой, с модной прической, второй постарше, коротко стриженный. Святозар и Вячеслав.

Барановский кивнул всем дамам, но Наташе махнул. Предложил следовать за собой. Та тут же вскочила и посеменила следом, но Люда тоже не отстала. Поднялась, сделала два шага на своих длинных ногах и преградила старшему оперу путь.

– Товарищ майор, я подумала, что взять у вас телефон будет не лишним, – сказала она. – Вдруг я что-то вспомню или замечу подозрительную активность у двери жертвы.

Она говорила спокойно. Не кривлялась, не жеманничала. Но очки на глаза опустила. И не только чтобы мешки прикрыть. Наташа поняла, что ей нравится Василий, и она не хочет показать свою заинтересованность.

«И тут конкуренты, – тяжело вздохнула госпожа Щипанова. – В кои веки мужик заинтересовал, так на него уже другая птичка клювом щелкает. Да еще более яркая. Не фламинго, но... грациозная цапля. Тогда как я синичка...»

Барановский дал «цапле» свою визитку. Такой же снабдил Ирусика. После этого проследовал через арку к машине и помог Наташе в нее забраться.

До отделения доехали быстро. Мужчины почти не говорили, больше просматривали материалы. Наташу тут же привели к художнику. Он рисовал не на бумаге, а на экране планшета, что естественно для двадцать первого века. Работа с ним заняла минут двадцать. По истечении их Наташа увидела на экране точную копию куклы, показанной ей Павлом Ивановым.

– Вы гений, – не смогла сдержать восхищения она. – Так точно воспроизвели каждую деталь! Даже я кое-чего не помню...

– За комплимент спасибо, только это не моя заслуга, а поисковой системы. Я в ней рисую, и если есть совпадения, она их находит.

– То есть вы составляете портрет предполагаемого убийцы, а компьютер тут же проверяет базы?

– Да. Это касается оружия, машин, произведений искусства и так далее. Нам недавно установили эту систему, и я рад осознать, что не зря. Она стоила каких-то космических денег. Все ругались. Говорили, лучше бы пустили их на обновление автопарка и ремонт морга, но теперь я могу успокоить коллег – система не так бесполезна.

– Расскажите о кукле?

– Информации о ней немного. Но если она достоверна, вы смогли лицезреть настоящее сокровище.

– С этого места поподробнее, – раздался за Наташиной спиной знакомый голос. Это Василий зашел в кабинет. Прикрыв дверь, проследовал к свободному стулу. Сел и с интересом уставился в экран.

– Кукле примерно двести лет.

– Да, так Иванов и говорил, – кивнула головой свидетельница.

– Она произведена в Венеции...

– Ах, вот почему Павел показал ее именно мне, – воскликнула Наташа, и мужчины воззрились на нее с недоумением. – Я обожаю Венецию, – пояснила она. – Это город моей мечты. Я провела в нем самые чудесные дни своей жизни и оттуда же привезла своего трубочиста... – Наташа осеклась. Ей самой стало неловко себя слушать. Что за восторженность! Ее надо демонстрировать в нужное время и в нужном месте. – Извините... Продолжайте, пожалуйста.

– Кукла была изготовлена для смертельно больной девочки ее отцом, зарабатывавшим на жизнь производством шикарных масок для элиты.

Наташа молчала. О том, что Катти стала последним утешением для больной чахоткой девочки, она уже сообщала старшему оперу. И он явно об этом не забыл.

– Синьорита умерла, – продолжил художник. – Ее похоронили. А вместе с ней – куклу.

– В коробке? – подивилась Наташа. Ее девятилетняя прабабка, чуя скорую кончину, потребовала купить ей серьги с жемчугом. Уши у нее лет тридцать, как заросли, но она хотела упокоиться если не в них, то с ними. Купили, положили в гроб. Но без коробки, естественно.

– Я не понял? – Художник посмотрел на товарища майора. – Почему в ней? Гроб еще в Древнем Риме изобрели.

– Речь о кукле. Когда свидетельница видела ее, она лежала в коробке, – разъяснил тот. – Отсюда вопрос. – Как будто успокоил: не переживай, не долбанутая она, просто мысли свои не может выразить нормально.

Тот кивнул и стал щелкать по клавишам. Затем спросил у Наташи:

– Как она выглядела?

– Кто... она?

– Коробка.

– Фанерная. Прямоугольная. Внутри бархат.

– Что на ней было написано?

– Ничего.

– Просто фанерная крышка? Без ничего?

– Крест на ней имелся.

– Это гроб был. Для кукол. Синьорит, к слову, похоже одетых и причесанных, зарыли в одну могилку, как я уже и говорил. Но мародеры ее разорили. Труп девушки оставили, сняв с нее только ценное, а куклу утащили. К кому она потом попала в руки, неизвестно. Но что в двадцатом веке ею играла дочка Муссолини, Анна-Мария – факт. – И продемонстрировал фото с надлежащей подписью, которое нашла умная программа.

– Выходит, у Павла пропала очень дорогая кукла, – не могла не отметить Наташа.

– Или она ушла за баснословные деньги, – проговорил Василий. – И если оплата была произведена наличными, то гражданина Иванова ограбили. Возможно, те же люди, что приобрели раритет.

– Он не продал бы куклу, – не согласилась с ним она.

– Даже если она тянет на двести тысяч долларов? Я наводил справки, антикварные игрушки могут столько стоить...

– И за миллион бы не согласился.

– Бросьте! Некоторые собственных детей продают за пару сотен тысяч рублей – не баксов. Жен проигрывают в карты. Матерей из-за квартир заказывают... – Василий махнул рукой. – А тут всего лишь куклы!

– Для таких, как Павел, они важнее людей.

– Допускаю. Но цена вопроса все решает, не так ли? – Наташа замотала головой, а Барановский на это не среагировал. – Продать одну куклу за двести тысяч, купить на эти деньги пять... Разве это не лучше?

– Если бы у вас был коллекционный «Роллс-Ройс», вы бы выставили его на торги, чтобы приобрести пять «Мазд»?

– Даже самая навороченная «Мазда» не стоит сорока кусков, – проворчал Василий. – Но ваша мысль мне ясна. Главное, обладать эксклюзивом. В этом вся крутотень.

– Именно. А если очень в деньгах нуждаешься, всегда можно продать не самые ценные экземпляры своей коллекции.

Она едва успела договорить, как дверь кабинета приоткрылась, и все увидели стажера.

– У потерпевшего на компе нет пароля, – выпалил он, глядя на старшего оперуполномоченного Барановского. – Я уже вычислил одного подозреваемого!

– Ай, молодца, – цокнул языком Василий. Судя по всему, с издёвкой. – Сгоняй, допроси его.

– Как раз собираюсь. Я уже узнал адрес.

Барановский тут же вскочил и вылетел из кабинета, чтобы проконтролировать инициативного подчиненного. А Наташу вскоре отпустили. И уже через час она лежала в своей девичьей постельке, грезя о бравом майоре. Но мечтам ее не удалось разгуляться, Наташа уснула буквально через пару минут.

Глава 4

Максим Челышев больше всех на свете любил свою бабушку. И не только потому, что она его воспитала. Мама тоже в этом принимала непосредственное участие. Да и отец. Умер, правда, рано. Но он имел место быть. В женском царстве Макс оказался только в двенадцать.

Но родители... они как другие планеты! А бабушка Лия – солнце, вокруг которого вращался Максимка.

Она была сельской учительницей, удачно вышедшей замуж. После войны писанные красавицы и работницы столовых (в голодные времена близость к кормушке была привлекательна) не могли себе пару найти. А Лия, низкорослая, худая, носатая, с черными взлохмаченными волосами, вечно таскающая в карманах крошки или семечки для птиц, нашла. Да какого жениха отхватила! Подполковника-вдовца. Да, он был старше ее, но всего на двенадцать лет. Его два сына от первого брака уже жили самостоятельно. У Лии и ее супруга на свет появился также мальчик. Павлуша. Жили чудесно. В том числе в Германии. Откуда привезли много хороших вещей: посуду, скатерти, елочные игрушки, две шубы, из которых впоследствии всей семье шапки шили.

Макс деда не застал. Он родился через пять лет после кончины старого вояки.

Мальчика, как всех детей, в положенное время отдали в садик, но тот категорически не желал в него ходить: рано вставать, есть противную кашу с комочками, гулять толпой, слушаться незнакомую тетю... Это все ФУ! Ему было хорошо с бабушкой. С ней он мог нежиться в кровати до девяти, кушать то, что любил: оладьи, сырники, пышки. Поскольку Макс был склонен к полноте, да еще обожал выпечку, после сытного завтрака они отправлялись гулять. В любую погоду. И ребенку нравилось и под дождем бродить, и в жару, и в мороз. Бабушка постоянно с Максом разговаривала. Рассказывала что-то из жизни, читала стихи, пела песенки на немецком. Она спрашивала его мнение насчет разных вещей и внимательно его выслушивала. Она научила Макса в четыре года читать и писать, и они вместе сочиняли сказки. Из всего этого следует, что ребенка мучили детским садом всего пару месяцев. Лия сжалась над ним и взяла на себя обязанности воспитателя. Для этого ей пришлось пожертвовать своей работой – она, пенсионерка, все еще преподавала.

Макс рос и стремительно развивался. Исключительно умственно. Внешне оставался тем же низеньким пухленьким мальчишкой с розовыми щечками. Эдаким пупсиком. Лия так его и называла: «мой пупсик». И трепала за розовые щечки.

В школу бабушка и внук пошли вместе. Лию преподавателем уже не брали, ей перевалило за семьдесят, но временно трудоустроили на место ушедшей в декрет библиотечарши. Когда та вышла, Лия перевелась в технички. Именно она давала звонок, и, едва он звучал, Макс бежал в фойе первого этажа, чтобы увидеть бабулю.

Он был отличником. Ездил на конкурсы чтецов и олимпиады. Учителя гордились им. Но и сочувствовали. Ребенок был полностью оторван от коллектива. Все перемены он проводил с бабушкой, в походы не ходил, от трудовых повинностей типа уборки класса или субботников был освобожден. Мальчику нужно было готовиться то к конкурсу, то к олимпиаде, ему не до глупостей.

Когда Макс учился в седьмом, Лию хватил удар. Она слегла. Ухаживали за ней все – сын, невестка, но больше внук. Теперь его не интересовали внеклассные занятия, он и на обязательные через раз ходил. Все равно опережал всех сверстников. Мог бы и через класс перепрыгнуть, а то и два, хоть и пошел в шесть лет.

Но беда, как говорят, не приходит одна. Едва свыклись с тем, что Лия стала инвалидом, как погиб глава семьи. Попал под машину. Водитель был пьян, его посадили, но умершего человека уже не вернуть.

Лия страшно переживала кончину единственного сына. У нее, уже научившуюся сидеть и есть самостоятельно, случился второй удар. Теперь она двигала только одной рукой и не говорила связно, а лишь издавала звуки. Но все понимала. Макс, зная это, читал ей, показывал журналы, а также вещи, что они с мужем привезли из Германии. Бабушка питала к ним слабость. Когда была здорова, они доставали их и перебирали. Из посуды пили чай. Вещи примеряли. С игрушками забавлялись. Елочные вешали на цветы в кадках, с куклами разыгрывали спектакли. Артистов было четверо. Одна пышнотелая фройляйн, фельдфебель с усами и шпагой, клоун и малыш в чепчике и штанишках на лямках. Последний чем-то напоминал Максима.

Лия лежала долго. Во-первых, у нее было крепкое сердце, во-вторых, она не могла покинуть внука. Знала, он без нее не мыслит жизни. В его глазах было столько боли и испуга, когда бабушка не сразу просыпалась, и он думал, что она умерла. Но когда Лия все же разлепляла веки, доказывая ему свою жизнеспособность, Максик плакал от счастья.

По окончании школы он поступил в институт на заочное отделение. Лишь для того, чтобы проводить больше времени с Лией. Мама не возражала. То, что мальчик ухаживает за бабушкой, даже хорошо, не надо нанимать сиделку. Да и с нее ответственность снята. Можно собой заняться. Если не устроить личную жизнь, то хотя бы развлечься с подругами или мужчиной, который появился у нее через год после смерти мужа. Ей всего пятьдесят три, не тот возраст, чтобы ставить на себе крест.

Конечно, мама отдавала себе отчет в том, что привязанность ее сына к Лие не совсем нормальна. Но она слишком поздно это поняла. Когда Макс учился в школе, она очень много работала и не особо вникала во взаимоотношения бабушки с внуком. Была рада тому, что ее чадо под присмотром. Тем более такое особенное. Не похожее на остальных. Это потом стала закрадываться мысль, что особенным и непохожим оно стало скорее всего из-за Лии. Но когда в твоей семье два бюджетника (муж работал санитаром в пункте переливания крови), ты, чтобы обеспечить близких, пашешь, как лошадь. А когда сделала карьеру, стала начальником, то уже ушел из жизни муж, свекровь стала наполовину овощем, а сын... Женщина даже не знала, с кем его сравнить. Если Лия – растение, то Макс... садовник? Который пестует умирающий кустик? Все силы вкладывает в то, чтобы он не погиб...

Лия умерла, когда Максим учился на третьем курсе. Зачахла. Она из года в год становилась меньше. Когда была здорова, весила сорок шесть кило. На момент смерти достигла размера большой куклы. Привезенная из Германии фройляйн не многим уступала ей.

Макс настоял на кремации. И прах забрал себе. Матушка к тому времени нашла мужчине, не переезжала со всеми пожитками к нему, только чтобы не бросать угасающую свекровь и сына. Но после сорокового дня переселилась. Макс с Лией (точнее, с ее останками) и всеми дорогими сердцу вещами остался в квартире деда и бабушки. Большой, запущенной, пропитанной запахом мочи и лекарств. Мама предлагала ее разменять. Он отказался. Как и делать ремонт. Он хотел, чтобы все в квартире напоминало ему о тех временах, когда была жива Лия.

Он завалил сессию и вылетел из института. Мама расстроилась, а Максу было плевать.

...С тех пор прошло двенадцать лет. Образование он получил. И не одно. Поездил по миру. Научился ладить с людьми. Похудел. Но так и не сделал ремонт в своей квартире. Разве что в туалете с ванной и кладовке. Но эти помещения не ассоциировались у него с Лией. Не то что кухня. В ней бабушка пекла Максику оладьи, сырники и пышки. Поэтому он сохранил мебель, занавески, плиту, люстру с висюльками. Поменял смеситель да холодильник – старый просто-напросто сломался.

Максим Чельшев, невзирая на зрелые годы, не женился. Он даже не делал попыток связать себя узами брака. Ему и одному было вполне комфортно.

Женщины у Макса были. Их он мог пересчитать по пальцам, и все же... Инстинкты никто не отменял, и ему хотелось плотских утех. Первую он искал долго. Рыскал, как гончая, в поисках добычи. Нужна была особенная девушка, с определенной внешностью, стилем, манерами.

Его тянуло к чудачкам, но не классическим. Экстравагантные внешне Макса отталкивали. Хотелось обычную, миленькую, невысокую, хрупкую, одетую прилично, с естественными волосами, а не зелеными или красными прядями. Без пирсинга и тату. Отчаявшись найти подходящую, решил прибегнуть к услугам девушек легкого поведения. Но когда приехал на адресу, позорно сбежал, до жути испугавшись даже не самих проституток, а обстановки борделя.

Долго мыкался Максим. Пока не встретил в парке барышню. Она сидела на корточках на берегу озерца и кормила хлебом уток. Максу сразу же вспомнилась Лия, ее набитые крошками карманы. Незнакомка совсем на нее не походила. Да, худенькая, но в остальном прямая ее противоположность: черты лица мелкие, кожа алебастровая, взгляд обращен в себя, белокурые волосы заплетены в тонкую косицу, через них просвечивает розовая кожа головы. И все же Макс испытал к ней симпатию. И, что удивительно, влечение. Поэтому познакомился.

Блондинку звали Кларой. Она оказалась поэтессой. Макс думал, что сочиняет эта ромашка лирические стишки, но оказалось – мрачные готические поэмы. Еще тексты песен для панк-групп. Клара отдалась Максиму на третьем свидании. Без ломания, буднично. Но и без страсти. Полежала бревном, после чего уселась за стол и стала сочинять. Они встречались два месяца. Много гуляли, разговаривали об искусстве, скормили птицам столько хлеба, что им можно было накормить африканскую деревню. Сексом тоже регулярно занимались. И он не стал лучше. Макса это и отвратило от Клары. Он не был озабоченным и довольствовался бы разом в одну-две недели, но хотел, чтобы это было ярким событием, а не мышьиной возней. Причем возился только он. Клара же только раздвигала ноги и обвивала его руками за шею.

Потом Макс уехал в путешествие по Европе. За две недели ни разу не позвонил Кларе. Не до нее было. Когда вернулся, тоже не сразу набрал ее номер. Только когда с делами управился. В итоге через месяц только позвонил. И услышал чужой голос:

– Клара умерла девять дней назад. Сегодня поминки. Приходите.

Он пришел, потому что думал, что она скончалась от болезни. Клара была похожа на угасающую от рака девушку. Но оказалось, она покончила с собой.

Макса мучили угрызения совести. Он думал, она из-за него вскрыла себе вены. Улетел в Европу, пропал, считай, бросил. Он пытался успокаивать себя тем, что Клара и до этого пыталась свести счеты с жизнью, но это помогало слабо. Он погрузился в депрессию, из которой вышел благодаря куклам... Как бы это странно ни выглядело со стороны.

Не было дня, когда бы он не вспоминал свою бабушку. Но после гибели Клары Макс начал мысленно с ней разговаривать, советоваться. Он переселился из своей комнаты в ту, где обитала Лия. Он достал все ее вещи. Он пересматривал фотографии, читал книги, наряжал елочными игрушками цветы в кадках и разыгрывал спектакли. Однажды он положил с собой в кровать розовощёкую фройляйн и впервые за последние месяцы проспал сном младенца. Лия рассказывала, что эту куклу она купила, будучи беременной. Для дочки, которую ждала (она не сомневалась, что носит девочку). Но случился выкидыш, а кукла осталась в память о не рожденной дочке.

Интереса ради Макс стал узнавать, что это за кукла. На затылке имелась маркировка производителя и серийный номер. В век интернета получить нужную информацию совсем не трудно, и Максим выяснил, что является владельцем не самой редкой, но довольно ценной куклы (рыночная стоимость тысяча долларов). Зовут ее Гретхен. Выпущена в тридцать пятом году на частной фабрике. Кроме нее кукольник изготовил двух сестричек – Ирму и Эльзу. Изначально они продавались вместе с чайным столиком, креслами и посудой. Это был набор. Но стоил он дорого, и продавцы разбили троицу. Мебель и сервиз также начали продавать отдельно.

Макс тут же загорелся идеей приобрести Ирму и Эльзу. А также вещи, им принадлежащие. На это ушло несколько лет. Но то были счастливые годы. Маркс и думать забыл о Кларе. Да и другие женщины его волновали мало. Они появлялись, но не оставляли следа в его сердце.

* * *

Челышев возвращался домой после долгого трудового дня. Ему приходилось вкалывать, чтобы потакать своим прихотям, а именно покупать антикварных кукол. Собрав сестричек и усадив их за стол, он взялся за вояк – фельдфебелю нужна была компания.

– Максим Павлович, – окликнули Челышева.

Он обернулся на голос и увидел паренька в коротких джинсах. Его тонкие щиколотки покрывали кучерявые темные волосы. Макса передернуло. Носки придумали не только для того, чтобы ступни не стирались в кровь, еще и для эстетики. С ними корявые мужские ноги смотрятся более или менее пристойно.

Если бы Челышев не отказался от преподавательской деятельности в университете два года назад, решил бы, что перед ним студент.

– Мы знакомы? – спросил Макс.

Парень качнул головой, затем достал из модной сумки, что пересекала его стройное тело, документ. Макс не успел прочесть, что в нем написано, как книжечка захлопнулась.

– Я из следственного комитета. Оперуполномоченный Гаранин. Святозар Игоревич.

Максим сдержал ухмылку. Игоревич он, видите ли! С таким-то голосом и внешним видом...

– И чем я могу быть вам полезен, господин Гаранин?

– Вы знакомы с Павлом Евгеньевичем Ивановым?

– Не близко.

– Его убили сегодня в собственной квартире.

– Что вы говорите? – воскликнул Макс. – За что?

– Выясняем. – Парень переступил с ноги на ногу и поморщился. – Простите за интимную подробность, но я умираю, хочу в туалет. Можно мы продолжим разговор в вашей квартире?

– Хорошо, пойдете.

Они поднялись. Макс выпустил Святозара в квартиру. Тот скинул кеды и дунул к туалету.

Пока опер справлял малую нужду, Челышев перекладывал купленные продукты в холодильник. Обезжиренный творог, капуста, кабачки, зелень. Он не перестал любить выпечку, но теперь готовил низкокалорийные сырники и оладьи. Заправлял их легким йогуртом. Если бы не проблемы с сердцем, выявившиеся после смерти Лии, Макс и не подумал бы худеть. На внешний вид ему было плевать. Но болеть ужасно. Тем более когда за тобой некому ухаживать. Естественно, мама не бросит. Поможет, чем сможет. Но Макс не хотелось, чтоб она приносила себя в жертву ему. Да и общество ее его не особо радовало. С ней ему было... напряжно. Воскресные и праздничные обеды Максим высиживал, но когда они заканчивались, уходил домой с радостью.

– Будете чай? – спросила Челышев у покинувшего уборную Святозара.

– Не откажусь.

– Минутку.

Он включил чайник и достал из ящика жестяную коробку с цейлонским чаем. Самым обычным, из супермаркета. Перестав лакомиться мучными сладостями, Макс начал ценить напитки, которые хороши сами по себе. Чай стал приоритетным. Но себе он заваривал элитные сорта, а гостям сойдут и простые.

– Расскажите, как вы познакомились с Павлом Евгеньевичем? – спросил Святозар.

– На специальном сайте. Я коллекционирую кукол, он тоже.

– Сколько раз вы виделись?

– Два. Один раз он ко мне приезжал, второй раз я к нему.

– Зачем?

– Я продавал куклу. Приобрел именно с этой целью. Хотел заработать. Павел заинтересовался. Мы договорились о встрече, он приехал, посмотрел, но остался недоволен. Ему не понравилось состояние. Однако через месяц он снова со мной связался, спросил, продан ли я свою принцессу.

– Это была особа королевских кровей?

– Да. Ее выпустили сразу после рождения Елизаветы Второй в тысяча девятьсот двадцать шестом году.

– Что вы ответили?

– Правду. Что кукла все еще при мне, потому что за копейки я ее не продам, а назначенную мною цену никто не платит. И Иванов предложил еще раз встретиться. Но в присутствии эксперта. Я не возражал. Вместе с Лиззи мы приехали к Павлу. Он был не один, а с женщиной не первой молодости и свежести, но не стариком. Якобы экспертом. Тот осмотрел куклу, стал занижать мою цену, мы поспорили, и я уехал домой.

– Это все?

– Да.

К этому времени чай почти поспел. Не раскрылся еще, но уже был заварен. Макс водрузил на стол чайничек и кружки. Из германской фарфоровой посуды, украшенной тонкой работой, он пил чай один или с куклами-сестричками.

– Вы больше не звонили и не писали Павлу Евгеньевичу? – с невинным видом спросил Святозар.

Макс понял, что полицейские взяли на контроль телефонные контакты и интернетовские, проштудировали звонки и переписку покойного. Как быстро работают, это ж надо...

– Отправил одно сообщение на сайте, где познакомились, – признался Максим.

– Какого содержания?

– Вы же наверняка сами знаете. Не просто так пришли же?

– И все же я хотел бы услышать от вас.

– Дословно не воспроизведу. Но я ругался. Обзывал Павла.

– И угрожали.

– Нет, это вряд ли...

Святозар снова открыл свою сумочку. Достал распечатку. Перебрал листы, нашел строчку, которую хотел зачитать:

– Желаю тебе гореть в аду!

– Разве это угроза? – Он открыто посмотрел в глаза парню. Знал, его чистый взгляд действует обезоруживающе. Впрочем, у Макса вообще было очень располагающее лицо.

– Ладно, пожелание... Гореть в аду.

– Я психанул и отправил Павлу это гневное письмо. О чем сожалею.

– Чем он вас так разозлил?

– Он хотел подменить куклу. И так называемый эксперт ему в этом помогал.

– Имя можете назвать?

– Дмитрий Иосифович. Фамилия – Коцман.

– Я слышал об Иосифе Абрамовиче Коцмане. Он известный реставратор.

– Да-да-да. О нем ходят легенды. Лично я с ним не встречался, но, слышал, он творит чудеса. Берет за свои труды очень много, но клиентов недовольными не оставляет. Не просто чинит игрушки, а вдыхает в них новую жизнь. Сын, увы, пошел не в него. Как я понял, Дмитрий пытался освоить ремесло, стать достойным преемником, но на детях гениев природа отдыхает. И он, пользуясь именем, стал мошенником.

– Это серьезное обвинение, – заметил Святозар и налил себе чаю.

– О нем ходят дурные слухи среди коллекционеров. Я ознакомился с ними только после нашей встречи. Тогда-то и отправил гневное послание Иванову.

– Но почему вы стали наводить справки?

– Мне показалось (не пойман – не вор), что Дмитрий с Павлом пытаются подменить мою Лиззи. Вы, естественно, не в курсе, но подделок и на нашем рынке превеликое множество. На глазок не всегда определишь, какая кукла перед тобой – антикварная или ее точная копия.

– Да, я слышал об этом. Родная сестра моего отца тоже увлекается коллекционированием кукол.

– Как интересно. Я могу ее знать. Как ее имя?

– Надежда Ивановна.

– Фамилия?

– Гаранина. Она не была замужем. Ее только пупсы интересуют. И лишь те, которых она находит на блошиных рынках. От нее я услышал о Коцмане-старшем. Именно он тетке реставрирует пупсов. Так вы ее знаете? – Максим покачал головой. – Тогда вернемся к истории с несостоявшейся подменой. Расскажите ее в деталях.

– Я их не помню. Эксперт мне сразу не понравился. Взгляд у него какой-то мерзкий. А Павел заметно нервничал. У Дмитрия был чемоданчик, который он держал между ног. Сказал, там инструменты для экспертизы, но ни разу его не открыл. Лиззи он очень придирчиво осматривал, и когда она находилась в его руках, Иванов из кожи вон лез, чтобы меня отвлечь. Пытался увести в другую комнату. Я почуял неладное и, забрав куклу, ушел. Вот и весь рассказ.

– Больше вы не виделись?

– Нет. Я сторонюсь нечистых на руку людей.

– Но вы грозились проучить Иванова, – снова заглянул в распечатку Святозар.

– И я сделал это. Рассказал всем о его непорядочности. Оставил на всех известных мне тематических сайтах «плохие отзывы».

– Все?

– Это все, на что мы, плангологи, способны, – пожал своими покатыми плечами Макс.

– Если бы так, Иванов был бы жив. Но он скончался от множественных ножевых ударов в собственной квартире.

Челышев передернулся.

– Хотите сказать, что никто из коллекционеров кукол не способен на убийство? – спросил Святозар.

– Мне всегда казалось, что нет. Мы все большие дети. И, заметьте, играем не с танками или пистолетами, а с принцессами или пупсиками.

– Могу я узнать, что вы делали этой ночью?

– Спал. Потому что я встаю каждый будний день в шесть утра и иду на работу.

– Это может кто-то подтвердить?

– Только ангелы, охраняющие мой сон. – И тут же добавил: – Шутка. А то еще подумаете, что у меня с головой не все в порядке.

– То есть алиби у вас нет?

Макс покачал головой.

И Гаранин ушел через несколько минут. Только залпом допил чай и обулся.

А Челышев сразу бросился к компьютеру, чтобы удалить на нем все, что касалось Павла Иванова. То, что стало известно полиции об их конфликте, было лишь верхушкой айсберга.

Глава 5

Он лежал на кушетке, закинув руки за голову, и рассматривал потолок. Плитка на нем пожелтела, а какая-то и покорежилась.

– Когда у нас ремонт делали? – спросил Василий у коллеги Славы Добронравова.

– Лет сто назад, судя по его состоянию, – ответил тот, не отрывая взгляда от компьютера.

Славик очень нравился Барановскому. Как коллега. Сдружиться с ним не удавалось никому. Добронравов четко разделял личное и профессиональное. Он был приветлив, участлив, в меру разговорчив, являлся на все междусобойчики, но, выпив стопку водки, тут же уходил. Все знали, где он живет, но никто не был у него в гостях. Славик не откровенничал, и, как бы его ни пытали, всегда придерживался одной версии: он счастливо женат на матери своей дочери, в редкие выходные он проводит время с семьей, не ездит ни в тир, ни на рыбалки. Свои обязанности Слава выполнял идеально. Как робот. Его не мучили сомнения, как Василия. Хотя Добронравов тоже не всегда поступал строго по закону. Но если слышал приказ, он выполнял его и не парился. Задержали преступника с незарегистрированным оружием и велют закрыть на это глаза? ОК. Из него же никого не убили. Пальнули в воздух, подумаешь...

Слава пожимал плечами и кивал. А Василий изводился. Как так? Да, пуля ни в кого не попала, но могла бы!

– Мутный тип этот Павел Евгеньевич Иванов, – донесся до Васи голос Добронравова.

– В чем это выражается?

– Бывшая хозяйка квартиры, кошатница, никакая ему не родственница. Но он квартиру унаследовал. Женщина написала дарственную на Иванова.

– Умерла вскоре? – «Черные» риелторы в нынешнее время встречались редко, но и о них забывать не стоит.

– Нет. Прошло больше года. За это время Иванова ни разу не видели обитатели дома. То есть это не тот вариант, когда квартиру переписывают на человека, ухаживающего за собственником.

– Может, она в молодости его любила без памяти? И решила облагодетельствовать после смерти? Или он спас ее от верной смерти. Да мало ли...

– Согласен. В этом еще нужно разобраться. Но вот тебе еще подозрительный факт: до того, как переехать, он жил в трешке на Кутузовском проспекте. Один! Никаких других собственников.

– Продал хоромы, и правильно. Зачем одному такие площади? Да и на Кутузе суета, а он уже немолодым человеком был.

– А куда деньги дел? Это мне вспомнился диалог пьяных Раисы Захаровны и Васи из фильма «Любовь и голуби». Они из бара выкатились, и он стал ей рассказывать о претензиях своей Надюхи...

– Помню, помню. Кузякин пернатых вроде купил. А Иванов скорее всего кукол.

– Это сколько ж их надо приобрести? Трешка на Кутузе стоит космических денег.

– Отложил на старость?

– На счетах восемьдесят тысяч всего. Рублей. У деревенских бабулек в чулках больше припрятано.

– Может, там же хранил?

– И тогда его убили из-за денег.

– Надо повторный обыск провести в квартире покойного. Поискать сейф или тайник. Если пуст, то из-за них. Нет, так из-за антикварной куклы.

Помолчали.

Вася встал, чтобы попить.

- Странные они люди, да? – вновь заговорил Василий.
- Кто – они?
- Эти, как их? Плангологи.
- Кукольники то есть? Думаю, не больше, чем все коллекционеры. И, если что, есть те, кто точно страннее.
- Например?
- Я тут загуглил, существуют люди, что собирают дорожные конусы или чехлы от зонтиков. Не сами зонтики – чехлы! Антикварную куклу ты хотя бы продать можешь, если припрет. И задорого. А кому конус нужен? Такому же чудаку, как ты, но вас в мире, от силы, десятков.
- Тебе не кажется, что мужчины-плангологи – геи?
- Не обязательно.
- Латентные точно.
- Вот не согласен.
- Обоснуй.
- Не все модельеры нетрадиционной ориентации. Как и танцовщики. Или даже травести-артисты. Знаю одного такого. Выступает под псевдонимом «Мурочка». Женат, имеет двоих детей. Тем мужикам, что к нему пристают после выступления, ломает пальцы. Говорит, мечтал играть Гамлета, не получилось, а бабки зарабатывать надо, так почему бы не перевоплотиться в Мурочку.
- Он артист, это другое. А когда мужик в куклы играет...
- К чему ведешь?
- Любовника Иванова надо искать. Среди ему подобных.
- Еще одна версия? Хорошо, рассмотрим и ее. Но я склоняюсь к тому, что Иванов был асексуальным, и его ничего, кроме кукол, не интересовало.
- Его, возможно. Но того, кто мог к нему прибиться?
- Ой, не нравится мне это дело, – вздохнул Добронравов.
- Как и Василию. Но он оставил свое мнение при себе. Работа только началась. Загадывать рано.

Глава 6

Люда провела три часа в СПА. На работе ей подарили сертификат, и она решила воспользоваться им незамедлительно. Доехала до салона на метро, тут же упала на кушетку массажиста, вздремнула, пока он ее мят, потом посидела в хамаме, поплавала в бассейне, выпила фужер шампанского и обратно уже вернулась на такси, потому что размякла.

Едва в дом зашла, услышала звонок в дверь. Открыла ее и увидела на пороге Ирусика. Соседка переоделась, сменила макияж и очки. Сказав «Привет еще раз!», она бесцеремонно ввалилась в квартиру.

– Ты за солью или за спичками? – спросила Люда.

– Отметить твою днюху и помянуть соседа. Первую чарку за здоровье выпьем, вторую за упокой.

– Я ни за то, ни за другое не буду. Вчерашнего хватило.

– Мы по чуть-чуть, – и достала из котомки, естественно, яркой, расшитой бусинами, половина из которых опали, бутылку вина. Люда глянула на этикетку и скривилась. Кагор. Она терпеть не могла сладкое вино. А это еще и дешевое.

– Давай, я открою свое, – предложила Люда. Она вспомнила, что ей один из клиентов преподнес бутылку «Саперави», привезенного из Тбилиси. – Как-никак моя днюха.

Та не стала возражать.

Через десять минут женщины сидели в гостиной за низким столиком, на который Люда поставила вино, фужеры, тарелку с виноградом и пиалу с ореховым ассорти. Больше съестного в доме не было. Нет, в морозилке имелись кальмары, грудка индейки, белые грибы и много еще чего, но Люда покупала все это, чтобы приготовить салаты на свой день рождения. Поняв, что сорвалась поездка в Венгрию, она рассчитывала на двух других мушкетеров, но и они ее продинамили. Вчера, обливаясь пьяными слезами, она ругала себя за то, что не купила билет до Будапешта и не улетела туда одна. Она в отпуске, деньги на бюджетную поездку найдутся, так что же она?..

Но сегодня Люда поняла: все, что ни делается – к лучшему. Если бы она улетела в Будапешт, то там так же, как и дома, изнывала бы от одиночества, пила и плакала, но не познакомилась бы с Василием Барановским, мужчиной, крайне ее заинтересовавшим.

Если бы Люда верила в любовь с первого взгляда, то решила бы, что это она.

– О чем размышляла? – обратилась к ней Ирусик. Она уже держала фужер в руке и приготовилась чокаться.

– Да так...

– Давай, Люся, за тебя. Счастья женского тебе желаю. И богатырского здоровья.

– Спасибо, Ирусик. Тебе того же.

Они чокнулись и пригубили вино. Люда решила сделать всего два глотка. За здоровье и за упокой, как договаривались.

– Хорошая у тебя квартира, не налюбуюсь, – проговорила Ирусик, взяв в свою морщинистую лапку гроздь винограда. – Уютная, теплая, удобная. Настоящее гнездышко.

– Вида его столько лет.

– Не представляешь, наверное, что его еще кто-то займет? Поэтому и не живешь ни с кем? Я тебя с разным парнями видала, все очень даже приличные, но ты одна.

Люда не стала это комментировать. Постороннему человеку душу изливать не хотелось, а отшучиваться было лень. Молчала и ждала, когда начнется проповедь, но Ирусик удивила:

– Правильно делаешь, что никого не пускаешь. И я сейчас не о квартире, о сердце. Свобода – прекрасна.

– Поэтому ты ее и выбрала?

– Ой, если бы, – отмахнулась Ирусик и допила свое вино. Люда, забыв о зароке, сделала то же. – Я в двадцать один замуж вышла. Потому что так было нужно. Возраст по тем временам критический: уже пора, а не за кого. Я худая, из неблагополучной семьи. За первого посватавшегося выскочила. Не оставаться же старой девой. Супруг хорошим был, непьющим, работающим. Но без вести пропал. Возвращался с вахты с получкой и премиальными. Тогда-то и сгинул. Осталась я одна с сыном.

– У тебя есть ребенок?

– Был. – Она показала глазами на бутылку, и Люда разлила вино по опустевшим фужерам. – Меня вскоре свели со вдовцом. У него две дочери. Сошлись. Я снова стала женой и матерью уже троих. Через шесть лет мой другую нашел. К ней ушел. Дочек не взял. Зачем они ему? А еще через три объявился мой пропавший без вести первый супруг. Его ограбили, избили до полусмерти. В больнице валялся несколько месяцев. Не мог вспомнить, кто он, откуда. Пригрела его санитарка. А когда она умерла от рака, к супругу память вернулась. На почве стресса.

Люда с жалостью посмотрела на Ирусика. Она поверила в эту байку? Та взгляд заметила.

– Да, да, знаю, о чем ты подумала, – закивала она. – Ушел к другой, причем с большой денежкой (вахта северной была – вез очень приличную сумму), а когда она преставилась, вернулся... Блудный попугай. Может быть и такое. Я не стала выяснять. Приняла его. Больной был. Хромал, заикался. Так что на самом деле его кто-то сильно побил. Дочки приемные в штыки восприняли это. Ультиматум выдвинули: мы или он. А как я выгоню отца своего сына? Он тогда стал дурить, с плохой компанией связался, я надеялась, что родной батя как-то благотворно повлияет. В итоге девчонки со мной прекратили связь, сын погряз в криминале и погиб в пьяной драке, а я еще десять лет за первым мужем-инвалидом ухаживала.

– Какая тяжелая у тебя судьба, оказывается.

– Нет, это мой выбор. Никто меня не заставлял отдавать себя людям, которые меня не ценили и, по сути, не любили. Я не жила для себя вообще. Тащила крест, который взвалила на себя сама. Во-первых, нужно было наплевать на мнение большинства и не выходить замуж без любви. Я же встретила потом мужчину, от которого у меня шла кругом голова. Но у меня семья, и как я позволю себе лишнего?

– А когда муж пропал, нельзя было с этим головокружительным сойтись?

– К тому времени он женился. А я, как дура, вступила в другие отношения без любви. Одной быть вроде как неприлично. А непьющие вдовцы на дороге не валяются. Если бы не я, нашлась бы другая. Вот и вцепилась...

– И в каком возрасте ты стала свободной?.. Ото всех обязательств.

– Первого мужа похоронила в сорок семь. После сорокового дня, когда траур сняла,глянула на себя в зеркало и ужаснулась. Старуха!

– Тогда-то и решила стать веселой, модной, заводной, современной?

– Если бы. Взвалила на себя сына приемной дочери. Она вдруг обо мне вспомнила, когда нужно было за границу уехать на заработки, а ребенка спихнуть некому. Я взяла. Привыкла уже о ком-то заботиться. Его Лаврентием звали. Лавриком. Я так его полюбила, что могла часами наблюдать за тем, как мальчик спит. Три года он у меня жил. Я мечтала о том, что мне его оставят. Падчерица замуж вышла в Швеции. Еще одного ребенка родила. Но увы... Забрали у меня Лаврика. Мы так плакали в аэропорту! Нас друг от друга отрывали. Первое время он мне постоянно писал. Картинки рисовал, фотографии отправлял. Но уже через год забыл. Только поздравительные открытки подписывал. А потом я узнала, что они всей семьей в Москву приезжали, но меня даже не навестили. И у меня, как говорится, крышу сорвало. Я сказала себе – хватит! Мне не так уж много осталось, начну жить для себя.

– И с чего начала?

– Я обменяла квартиру и переехала в этот дом. Район тогда считался развивающимся. Устроилась я продавцом на местный рынок. Летом торговала мужскими трусами, а зимой в

теплом помещения радиотоварами. Заводила необременительные романы, как ты сейчас, и была всем довольна. До поры...

– Что же случилось потом?

– У меня обнаружили рак поджелудочной. На третьей стадии. С такой вылечивают, но нечасто. Дорогостоящие операции и чудо-лекарства не гарантируют выживания. Я подумала о том, что последние годы, а то и месяцы своей жизни могу провести в больнице, исторгая из себя рвотные массы, теряя волосы, зубы, и решила ничего не делать. Разве что радоваться каждому новому дню. У меня не было сильных болей, недомогания, слабость и только. Еще не хотелось есть. Совсем. Я всегда была полноватой, а тут похудела. И оказалось, что у меня отличная фигурка. Я стала покупать те наряды, которые не могла себе позволить раньше. Нарядившись в молодежные шмотки, я гуляла по Москве. Тогда я носила только розовые очки, а заколки стали моим любимым аксессуаром, потому что волосы и без химии вылезали пачками. Ногти крошились, и я накладывала пластиковые.

– Ты излечилась? – с надеждой спросила Люда.

– Рака у меня нет. Варикоз – да. С суставами проблемы. Бывает, скачет давление. Но серьезной опасности для жизни нет.

– Так тебя спас от смерти всего лишь положительный настрой?

– Мой онколог решил, что диагноз был ошибочным. Потому что просто так рак не проходит. Может, он прав. Или нет? Теперь уже не важно. Я не просто копчу небо, я – молодая, здоровая и красивая баба.

– С этим не поспоришь... За тебя! – И выпила за Ирусика одним махом. Кто бы мог подумать, что под безвкусно яркой, кричащей, гротескной оберткой прячется настоящее сокровище. Соседка никогда не жаловалась на жизнь, ни о ком дурного слова не говорила, была добра, хоть и бесцеремонна. Люда пожалела о том, что мало с ней общалась. Ирусик не набивалась в подружки, но звала то в бар, то в клуб, и это напрягало. Она с приятельницами или кавалерами редко ходила в эти заведения, а уж с бабушкой-соседкой...

– Я в гармонии с собой, – продолжила Ирусик. – Мне кайфово в этом образе. Он держит меня в тонусе. И я не откажусь от него. – Ирусик упустила юность и молодость, поэтому в зрелости оторвется по полной. А когда придет старость, лет эдак через десять, натянет на себя треники и теплый свитер, начнет вязать и смотреть вечерние сериалы.

– Или найдет себе в ближайшее время бравого деда, с которым отправится в кругосветное путешествие? – И, подмигнув, Люда разлила остатки вина по фужерам. Они так душевно сидели, что оно пилось точно бальзам.

– Люська, знала бы ты, как я мечтаю об этом. Но где их взять, этих бравых? По военным санаториям моталась на скопленные копейки. На парады да военные смотры таскалась. Думала, там встречу... Потом на Пашку глаз положила, холостой, не замшелый, так он сначала нос воротил, а потом вообще... дал себя убить!

– Он тебе нравился как мужчина?

– А что? Интересный. В моем вкусе: я обожаю лысых. Кстати, давай помянем?

Люда кивнула, и они выпили, не чокаясь.

– А тебе, как я поняла, старший опер понравился, – заметила Ирусик. Пососав фундук, она отложила его на салфетку. Не по зубам.

– Это было так заметно?

– Ага. Но толстушке он тоже приглянулся.

– Наташе?

– Ей. Так что смотри, не упusti.

– Не привыкла я проявлять инициативу, – призналась Люда.

– Очень хорошо понимаю. Сама такой была. Ждала у моря погоды. Вот к моим берегам и прибывало непонятно что...

– Но я взяла телефон Василия, для меня это уже событие. Обычно я свой не сразу даю, ломаюсь.

– Корону поканими и убери в шкаф, – хохотнула Ирустик. – Достать всегда успеешь.

Тут зазвонил сотовый Люды. Она глянула на экран. Номер не определился, но она все же ответила:

– Слушаю.

– Привет.

– Здравствуйте, кто это?

– Ты что, меня не узнала? Саша. Хотел тебя поздравить с днем рождения.

Мушкетер! Тот, что хозяйственный. Без пяти минут муж другой женщины. Она удалила его номер из телефонной книжки.

– Он был вчера.

– Да, но лучше поздно, чем никогда, ведь так?

С этим не поспоришь.

– Спасибо, Саша. Приятно, что поздравил. Пока.

– Я хотел бы еще и лично, – выпалил он. – Можно я приеду?

– Что, свадьбы не будет?

– Нет, почему? Но мне кажется, мы как-то нехорошо с тобой расстались.

– Я не держу на тебя зла. Не переживай.

– Не об этом я... А как же прощальный секс?

Люда нажала на отбой.

– Один из?.. – спросила Ирустик. Та кивнула. – С тобой гулял, а женится на другой?

– Да, но я за него замуж и не собиралась.

– И все же, предложи он, тебе было бы радостно?

– Я не думала об этом. Просто встречалась с приятным парнем. Но, пожалуй, ты права... Было бы радостно. Мне ни разу не делали предложения.

Ирустик поднялась с кресла. Не тяжело, но с усилием.

– Пойду я, – сказала она. – Лягу. Устала. Спасибо за компанию. Мне она сегодня требовалась.

– Мне тоже. – Люда обняла женщину. – Приходи, когда захочешь. Только в клуб не зови – не пойду.

Она проводила гостью до двери и пожелала ей спокойной ночи.

– А я тебе такой не желаю, – заявила Ирустик.

– Вот спасибо, добрая женщина.

– Я за прощальный секс. Позволь его себе! Зачем отказываться от удовольствия? Умерь гордыню и позвони Саньку. Ты не только пару-тройку оргазмов получишь, но оставишь след в его памяти. Сделай все красиво, парень тебя запомнит, и, как знать, может, пригодится через какое-то время...

– Хорошо, я подумаю.

Ирустик послала ей воздушный поцелуй и удалилась.

Люда убрала со стола, прилегла. Сон не шел. Она хорошо вздремнула в СПА. И секса, если говорить откровенно, хотелось. Поколебавшись еще некоторое время, она взяла телефон и позвонила Саше.

Глава 7

Он называл себя Карабасом Барабасом. Смеха ради, конечно.
Театра он не держал. Бороду не носил. Но очень любил кукол.
Особенно живых.

К последним Карабас стал питать слабость недавно.

...Как-то он шел поздним вечером домой. Темно, безлюдно. Путь лежит через сквер. В нем лавки. На одной из них лежит женщина. Довольно молодая, вполне симпатичная, но очень пьяная. От нее воняет, колготки в стрелках, одна туфелька отсутствует. Карабас, желая помочь, подошел к ней, приподнял, встряхнул. Но барышня не проснулась, только головой качнула да руками повела. Как кукла. Карабас легонько шлепнул девушку по щеке. Она открыла глаза на миг. Закрыв их, повалилась на лавку. При ней имелась сумка (как только никто ее не украл?), та упала, и из нее выпала помада. Барабас ее поднял, снял колпачок. Ярко-розовая, она наверняка очень шла белокожей и светловолосой пьянчужке. Как и такого же цвета румяна. Повинуясь странному порыву, Карабас покрасил спящей губы и щеки. Когда растирал помаду по скулам, девушка пробудилась и начала кричать. Ее лицо сразу стало отвратительным. Пока спала, напоминала куколку. Но оказалось, что она ужасная пропитуха, хоть и не опустившаяся окончательно. Брезгливо отбросив ее от себя, Карабас вскочил и бросился по аллее, чтобы унести поскорее ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.